

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ЗЛОНА ДЕМИДОВА, ЕВГЕНИЙ ШКИЛЬ

ОТСТУПНИК

FUTURE CORP.

Метро

Евгений Шкиль

Метро 2033. Отступник

«АСТ»

2015

Шкиль Е. Ю.

Метро 2033. Отступник / Е. Ю. Шкиль — «АСТ»,
2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-086352-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033» – серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Когда огонь Последней Войны опалил землю, умерло многое: прежний мир и прежние ценности, прежние боги и прежние люди. А немногие выжившие, как это часто бывает, с радостью отринули старое во имя нового. Но история человечества – змея, кусающая себя за хвост. Слишком уж часто новое – это хорошо забытое старое, и ничуть не реже это старое действительно стоило забыть. И вот уже на берегах Азовского моря возрождаются традиции Древней Спарты, а в городе, чуть было не ставшем столицей Российской империи вместо Санкт-Петербурга, встает заря нового человечества. Только вот нового ли?...

ISBN 978-5-17-086352-5

© Шкиль Е. Ю., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Очередное изобретение велосипеда	7
Пролог	9
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Элона Вячеславовна Демидова,
Евгений Юрьевич Шкиль
Метро 2033: Отступник**

© Э.В. Демидова, 2014

© Е.Ю. Шкиль, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Очередное изобретение велосипеда Докладная записка Вячеслава Бакулина

Николай Михайлович Карамзин, значение эпохальной двенадцатитомной «Истории государства Российского» которого для нашего Отечества переоценить трудно, был весьма разносторонне одаренным человеком. Впрочем, тогда это являлось нормой для российского дворянина, и упомянул я Карамзина отнюдь не в контексте самого его известного произведения. Просто среди весьма богатого наследия Николая Михайловича, в котором есть и критика, и публицистика, и поэзия, и проза, имеется стихотворение «Опытная Соломонова мудрость, или Выбранные мысли из Екклесиаста», написанное в 1797 году, а в нем такие строки:

*Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет век.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек...*

В свою очередь, как можно догадаться по самому названию, основой для этого стихотворения послужила библейская «Книга Екклесиаста», авторство которой приписывается легендарному ветхозаветному царю Соломону. В первой главе ее говорится:

9 Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

10 Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас.

11 Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.¹

Вы спросите меня: это все, конечно, познавательно, но к чему оно тут? Где Карамзин (а уж тем более – царь Соломон), и где мы, адепты постапа и певцы Армагеддона? А меж тем, ко «Вселенной Метро 2033» эти слова имеют непосредственное отношение. Подумайте сами: так ли уж случайно появились на карте Московского метрополитена коммунистическая Красная Линия и неофашистский Четвертый Рейх, анархистское Гуляй-Поле и капиталистическая Ганза, древние касты Полиса и еще более архаичный культ Великого Червя? Так ли абсурдны они, так ли невозможны в обществе будущего? Много ли нужно так называемому цивилизованному обществу, чтобы скатиться обратно, во мрак беспросветной дикости? Отринуть все завоевания прогресса, забыть весь накопленный на протяжении тысячелетий опыт и проходить одним и тем же путем вновь и вновь, даже не подозревая о своих предшественниках? Вновь и вновь с маниакальным упорством изобретать велосипед, разбивая на этом пути лоб не только себе, но и, увы, ближнему и дальнему своему? Задумайтесь об этом, прежде чем воскликнуть: «Новый Лакедемон Демидовой и Шкиля невозможен!» Кто знает, что будет там, за вечными водами священного Миуса, слишком похожими на воду еще одной древней реки. Той самой, плоток из которой навсегда стирал и без того недолговечную человеческую память...

¹ Еккл. 1:9-11.

*Посвящается Бессущностному, который щадит нашу Вселенную
лишь потому, что здесь все еще обитают те, кто способен хоть что-
то сказать этому Миру.*

Пролог

Огромный алый щит бросался в глаза издалека. Аршинные белоснежные буквы гласили:

Ожидаете Армагеддон? Обращайтесь к нам!

Строим бункеры на любой вкус!

Тел. 666–666

– Ты видел? – сказала Светлана, потягивая через трубочку колу из банки. – Даже здесь эта реклама висит.

– Я за рулем и не могу на всякую фигню смотреть, – ответил Лёня. – Ты же не хочешь в кювете оказаться?

– Надо же, – продолжала говорить девушка, откидывая со лба легкую прядь светлых с рыжиной волос, – и номер телефона подходящий выкупили. А знаешь, кто занимается этими делами?

– Кто? – спросил Лёня, вслушиваясь в звуки голоса, что казался ему самым нежным в мире.

– Андрей Антипенко, – она смяла пустую банку и швырнула в открытое окно.

– Кто такой Андрей Антипенко? – нарочито равнодушно произнес парень.

На самом деле он, разумеется, слышал об одном из самых богатых людей Таганрога, и даже, пожалуй, немного завидовал тому, но показывать возлюбленной свою мелочность не очень-то хотелось.

– Ну да, – хмыкнула Света, – что вам, географам, летающим в облаках, до земных дел простых смертных. Это бизнесмен. Моя однокурсница его любовница. Он ей в центре Ростова шикарную квартиру снимает, на Пушкинской, двухкомнатную.

– Ого... – безучастно проговорил Лёня, прикидывая, во что такие подарочки должны обходиться.

Сначала он хотел сказать что-нибудь вроде: «Зато он не посвящает ей стихи», – но осекся, поскольку побоялся услышать что-то в стиле: «Зато ему ничего не стоит их купить».

– И по Ростову она рассекает на Ауди, – девушка с сомнением осмотрела салон их автомобиля, – за два миллиона.

Подержанный Фиат-Браво, в котором они мчались по Мариупольскому шоссе, был неплохой, приемистой машиной, но, разумеется, даже близко не тянул на такие деньги. Да и вообще, быть бы Лёне еще очень долго «безлошадным» и ходить пешком, если бы не мама: чтобы сын мог купить автомобиль, она, расщедрившись в честь окончания университета, сняла с книжки кругленькую сумму, доставшуюся по наследству.

– Лисёнок, – парень решил перевести неприятную тему разговора в более позитивное русло, – а этот твой Антипин себе-то бункер построил?

– Представь себе, да. И не один! Я как-то раз была в его особняке в Ростове, и могу сказать, что отделано все шикарно. Угадай где устроен вход? Прямо из спальни! – лукаво вымолвила Света, выпрямляя стройные ноги и томно потягиваясь, так что футболка обрисовала высокую грудь с бугорками сосков. – Я могла бы договориться и сводить тебя на экскурсию, знаешь, ведь в Таганроге у него тоже дом построен, но до осени не получится... Видишь ли, сейчас он жену в Таиланд отправил, а сам с моей подружкой на Сейшелы полетел.

– Кажется, скоро нам сворачивать налево, – сказал помрачневший Лёня, удивляясь, как это получалось, что обворожительная нежная Светлана, его любимый Лисёнок, вдруг становилась расчетливой и чужой.

Впрочем, несомненно, она просто дразнилась, уверил он себя.

* * *

Две недели назад Леонид Дрожжин получил диплом Южного Федерального Университета по специальности «преподаватель географии» и считал, что ему крупно повезло: он стал выпускником-специалистом.

– Поздравляю, сын! – сказала мама, когда он позвонил в Таганрог и сообщил, что диплом лежит в кармане. – Знаешь, я слышала, что со следующего года в твоём вузе какая-то двух-уровневая система будет, частично платная... бакалавриат и магистратура... Мне заранее жаль моих школьников. Не думаю, что это приведет к чему-нибудь хорошему, посмотри на любые реформы в образовании за последние двадцать лет!

Лёня, конечно, в таких выражениях о своем дипломе не думал, а просто очень радовался, что успел в последний вагон уходящего поезда под названием «полноценное высшее».

Да, быть преподавателем – не самое престижное ныне занятие, но парень учился отлично, и потому его оставили на кафедре. А тут уж прямая дорога защитить диссер, получить ученую степень... да что там! Даже без степени и без диссера, работать в Ростове в вузе – это совсем не то же самое, что быть заштатным учителем в какой-нибудь таганрогской школе, пусть даже в родной Чеховской гимназии. Но будущий педагог чувствовал себя таким счастливым не только из-за неплохого старта на карьерной лестнице, – сегодня исполнялся ровно год, как он начал встречаться со Светой.

Лёня пригласил девушку отметить двойной праздник на Золотую Косу, благо база отдыха там была недорогая, а красоты природы, как он надеялся, могли поспорить с самими Сейше-лами. День выдался знойным, на горизонте дрожало горячее марево, ярко-голубое небо слепило глаза, и впереди ждали две недели блаженства с любимой: золотой песок пляжа, жаркое солнце, холодное пиво с хорошо прожаренным шашлычком... И, конечно, изумительные лунные ночи.

* * *

После занудной процедуры оформления документов, грузная, неопределенного возраста женщина, с еле заметными усиками, выдала парочке ключи от летнего домика, в котором им предстояло обосноваться. Легкая постройка стояла в первом ряду деревянных хижин, из нее открывался прекрасный вид на море, а в тесноватой душевой кабинке можно было вполне комфортно помыться. Рядом располагался каменный мангал, который сулил ежевечерние вкусняшки.

К неудовольствию Лёни соседние домики оказались заселены. Рядом с левым стоял сверкающий хромом дорожный джип с тонированными стеклами, а возле, с уже зажаренными кусками баранины, сутились кавказцы. Молодой педагог сразу окрестил их «бандой». Он не причислял себя к националистам, однако безбашенных гостей с юга недолюбливал, да что там греха таить – попросту боялся.

Компания справа также не вызвала особого доверия. Это были ребята хоть и славянской внешности, но в камуфляжной форме, судя по ухваткам – три десантника в увольнении, а один из них и вовсе щеголял пиратской повязкой на левом глазу. Лёня вспомнил слова мамы, что в последнее время вокруг таганрогского военного аэродрома наблюдалась нездоровая суета, сюда шел непрерывный поток грузовиков. Также на окраине города расквартировались рота ВДВ и две роты радиотехнических войск. Жители Таганрога плохо понимали, зачем здесь нужны войска. Может, просто учения? Ведь войны вроде не предвидится. Тут не Зулусия какая-нибудь, в конце концов, – эра глобальных конфликтов давно закончилась.

Впрочем, парень надеялся, что завтра к вечеру неприятные соседи уедут, рассеются, как дым на сильном ветру, и он останется со своей Светой-Лисёнком, однако, сегодняшнюю ночь во враждебном окружении еще нужно было пережить. Какая тут на фиг романтика, когда вокруг сплошь боевики!

Стараясь тактично не смотреть в лицо одноглазого, Лёня все-таки отметил, что при разговоре правая сторона рта у того дергается, и злые тонкие губы как бы вспухают с одного бока в жестокой усмешке. Зато грубые черты лица второго десантника имели на редкость простое выражение, а прекрасные голубые глаза казались украденными откуда-то с небес.

Третий – высокий, широкоплечий, в чьем резко очерченном красивом лице было что-то хищное, волчье, посмотрел на молодого преподавателя и вдруг перестал нанизывать сырое мясо на шампур. По спине педагога прошел холодок.

– Ты, случаем, не Лёня? – спросил десантник.

– Да, – подтвердил парень.

– А мать Татьяна... – десантник пощелкал пальцами, пытаясь вспомнить, – Татьяна...

– Владимировна.

– Точно! – вояка улыбнулся. – А ты меня не узнаешь?

Молодой педагог отрицательно покачал головой.

– Ты что, друган, мы ж в одном подъезде жили. Антон. Антон Орлов. Тебе от меня еще пару раз перепадало, забыл, что ли?

И Лёня вспомнил. Действительно, будучи подростком он частенько огребал от местного хулигана и главного заправилы дворовой шпаной Антохи.

– Да, – Лёня попытался изобразить радость встречи с давно забытым соседом, – теперь я тебя узнал.

– Так, давай к нам со своей красавицей, – тут же предложил десантник. – Столько лет не виделись, надо отметить встречу. Да и пока вы свой мангал раскочегарите, ночь настанет!

– Конечно, спасибо, за предложение... но мы... – замялся педагог.

– Мы с большим удовольствием, я очень проголодалась, – мягко, но, пожалуй, чересчур кокетливо проговорила Света, обхватив Лёнину руку.

Парню ничего не оставалось, как согласиться. Впрочем, он практически всегда уступал желаниям любимой. Наверное, оттого, что слишком долго мучился, добиваясь ее, тратил стипендию на подарки, сочинял стихи, а теперь вот, наконец завоевав, больше всего на свете боялся потерять. Она была первой и единственной девушкой в его жизни, во всяком случае, Лёня предпочитал думать именно так, и не любил вспоминать шальную ночь четвертого семестра, когда богатый оболтус, которому он фактически написал курсовую, решил отблагодарить своего «благодетеля» весьма своеобразно и привел в общежитие двух путан.

Поэтому, раз Светлана решила присоединиться к господам офицерам и прапорщикам, значит, так тому и быть.

Сперва был тост за знакомство с сослуживцами Антона – похожим на пирата Толиком, который оказался старлеем, но не из десантных, а из автомобильных войск, и старшим прапорщиком Витей Руденко. Почти сразу за первым тостом пошел второй – за родителей, и третий – за тех, кого с нами нет. А потом Антон предложил поднять пластиковые стаканчики за любовь с первого взгляда, бросая весьма выразительные взгляды в сторону Светланы. Это очень не понравилось Лёне, а девушка лукаво улыбалась, опуская длинные ресницы. Да, она обожала дразнить, заставляла ревновать парня, которому, если честно признаться, иногда это даже нравилось. Вернее, нравилось Лёне то, что в конце концов, вдоволь намучив, Светлана обнимала его при всех и говорила, что он самый лучший. Но в этот раз попытка продолжалась чересчур долго, новоиспеченный преподаватель землеведения (как иногда в шутку он себя называл), разозлившись, потерял контроль и пил по поводу и без него: за ВДВ, за Родину, за надежный ядерный щит, за чистое небо и хрен еще знает за что...

Затем Лёня каким-то образом оказался в море, пытаясь найти место поглубже, чтобы поплавать и понырять, причем он совершенно не помнил, как потом выбрался из воды на берег. И снова пошли стаканчики с сорокаградусной жидкостью: за меч вооруженных сил, за автомат Калашникова, за Святую Русь и за похеренное народное образование...

Когда стемнело, Руденко развел костер, а Лёня, будучи в полузабытьи, слушал старлея Толика, фамилию которого начисто забыл. Никогда в жизни молодой педагог еще так не напивался. Парень даже не заметил, когда Светлана и бывший сосед Антоха куда-то испарились.

– Ты же препод, вот я тебя и спрашиваю, – говорил Толик, вперяясь в пустоту одним глазом, – почему, скажи, паршивая Македония отымела всех моих долбанных предков, всех бравых эллинов, почему?

Лёня пожал плечами. Вопрос был за гранью его понимания.

– А потому, что в Спарте упадок нравов случился. Вся Греция на Спарте держалась.

– Так уж... и вся? – заплетающимся языком пробубнил молодой педагог.

– Ясен хрен, вся! – выкрикнул Толик. – Да мне еще дед рассказывал, он из дворянского рода Алфераки, чистокровным греком был, потомок переселенцев с не пойми каких пор! Похоронен тут неподалеку, дедуля мой. Знаешь, как деревня наша называется? Лакедемонка! Сохранили память о предках, это уж мы умеем, не отнять... Так что я тебе отвечаю, если б не Спарта с Леонидом, греков урыли бы еще персы, мать их за ногу. А потом, когда в Лакедемоне порядка не стало, вся хваленая Эллада гикнулась к хромым коням в задницу. И сейчас та же самая хрень. По всему миру одни гомики и наркоши. Упадок цивилизации, закат Европы. Понимаешь? Или ты со мной не согласен?

Лёня предпочел согласиться.

– А ведь тебя как самого знаменитого лакедемонского царя зовут, а это значит, ты боец! – старший лейтенант крепко обнял молодого педагога, отчего тот испугался, что brave офицер, возможно, не только восхищается тремя сотнями воинов, павших при Фермопилах, но еще и является почитателем священного отряда из Фив. – Ты в армии служил?

– Нет, – с трудом выдавил тезка знаменитого спартанца.

– Один хрен, с таким именем, у тебя все в жизни будет лады. А, знаешь, почему?

– Потому что ЭТО СПАРТА!!! – неожиданно заорал Руденко и громко заржал.

– Витя, козел, какого лешего ты прикалываешься? – Толик отпустил молодого педагога и стал переругиваться с прапорщиком.

Чувствуя одновременные позывы к рвоте и по малой нужде, Лёня поспешил отойти от костра, чего изрядно пьяные вояки даже не заметили. Но не успел он отдалиться и на два десятка метров, как увидел уютную виноградом беседку, в которой заметил голого Антоху... А на дощатом столе бесстыдно раскинулась Светик, Лисёнок, его милая, ненаглядная, любимая...

Десантник был очень brutalен, по крайней мере, так показалось начинающему преподавателю. Лёня никогда не мог и помыслить о столь дерзком обращении со своей возлюбленной. Но самое ужасное, самое невыносимое было в том, что ей эта первобытная жесткость невероятно нравилась. Она стонала в голос, она извивалась под диким, грубым напором, она молила о продолжении и яростно скребла ногтями по дереву...

Лёня замер как вкопанный; водка прибила эмоции, лишила возможности четко мыслить, действовать, и он стоял не в силах ни уйти, ни прервать буйство страсти.

Наконец, все закончилось. Света, взмокшая и расслабленная, откинулась на стол и ее светлые волосы упали почти до земли.

– Это было что-то... невероятное... – проговорила она, задыхаясь. – Никогда... никогда... я... никогда...

Из глаз будущего педагога брызнули слезы. «Сука! Рыжая сука! Так ты меня! Так!!!»

Отвернувшись, он шатаясь побрел в сторону домика, в котором планировался рай для влюбленных.

* * *

Когда Лёня очнулся, солнце стояло уже довольно высоко. Голова раскалывалась и жутко хотелось пить. Молодой человек приподнялся, увидел стоящую возле двери початую бутылку минералки, но вставать не было ни сил, ни желания. Рядом на кровати, чуть прикрытая простыней, лежала Света, расплескав по смятой подушке роскошные золотистые волосы. Вдруг ему вспомнилась вчерашняя ночная сцена. Может, все это привиделось спяну? Ведь вот же она рядом, его маленький славный Лисёнок...

Нет, вчера она и Орлов... Орлов и она... Лёню охватила бешеная обида и злость, отчего голова неожиданно перестала кружиться, и парень в три шага очутился у двери. Несколько глотков воды утолили жажду, а день стал обретать краски. Теперь предстояло самое трудное – надо было выйти на улицу и посмотреть в глаза Антону.

Возле соседнего домика творилось нечто странное. Десантники спешно собирались, не обратив ни малейшего внимания на вчерашнего собутыльника.

– Черт! Что теперь делать? – почти вопил старший прапорщик Руденко. – Как такое могло случиться? Не могу поверить! Куда, куда ехать?

– Отставить панику! Все накрылось конем, это ясно, – говорил одноглазый Толик, яростно жестикулируя, – теперь надо играть по своим правилам. Нельзя терять время. Через два дня, если не раньше, не будет ни командования, ни начальства, вообще ничего не будет...

– Ты так думаешь? – спросил Антон, надевая берет.

– Конечно, – воскликнул Толик. – Значит, рулить своей судьбой надо самим. А ты у нас, Антоха, парень боевой, за тобой люди пойдут.

– Что случилось?... – услышал Лёня хриловатый женский голос и обернулся.

В его рубашке, сброшенной на голое тело, Светлана стояла опершись на дверной косяк, но серо-зеленые глаза, обычно такие яркие, сейчас выглядели как перегоревшие лампочки.

Антон глянул на девушку, недобро ухмыльнулся и бросил:

– Война началась.

– Какая война? – опешил молодой педагог.

– Термоядерная.

– Что??? – Света сделала несколько шагов вперед и поравнялась с Лёней.

– Ничего, детка, – Орлов послал воздушный поцелуй, – уже ничего. С Москвой связи нет, последнее, что мы слышали в эфире: Ростов разбомблен, Таганрог вроде цел. Пока цел... А значит, времени у нас очень мало.

– И что теперь? – растерялась девушка.

– Нам нужен транспорт, – сказал Руденко в упор глядя на Лёню. – Ты не одолжишь свой Фиат?

– Нет! – неистовая злость Лёни искала выхода. – Это МОЯ собственность!

– Да кто тебя, оленя рогатого, теперь будет спрашивать? – глумливо оскалился Толик.

– На черта нам его колымага, – Орлов указал на тонированный джип, – мне эта тачка нравится намного больше.

Старший лейтенант и старший прапорщик переглянулись; Толик поднял с песка крепкий брус, затем все трое молча обменялись серией непонятных жестов, кивнули друг другу и направились к четверем кавказцам, суесящимся возле своего автомобиля. Антон шел замыкающим.

Момент был выбран исключительно удачно: двое южан отошли к террасе своего домика и о чем-то заспорили не повышая голоса, но увлеченно размахивая руками; как видно, разго-

вор не предназначался для ушей их подчиненных. Третий уже сидел в машине на месте водителя, то и дело нервно поглядывая на часы, но не пытался поторопить остальных. Четвертый, самый молодой и крепкий на вид, заталкивал в багажник очередную спортивную сумку.

Все эти детали Лёня отметил за считанные доли секунды, не понимая еще, что будет дальше.

– Эй, генацвале, – с веселым пренебрежением проговорил Руденко, – вопрос тебе можно задать?

– Ну?... – коротко стриженный брюнет поставил баул и резко повернулся к прапорщику, настороженно оглядывая незнакомого мужика, который, впрочем, не показался агрессивным.

– А что у тебя, братуха, с носом?

– А щито у мѐня? – удивился кавказец, в тот же миг получив короткий мощный удар локтем в переносицу.

– Он у тебя сломан, – невозмутимо произнес Виктор.

Двое спорящих все еще не замечали, что их товарищ уже лежит без сознания, однако водитель, что-то заподозрив, попытался высунуться из машины, но подоспевший Толик приложил его брусом в висок. Глухо крикнув, мужчина вывалился из джипа на песок. Только в этот момент гости с юга обратили внимание на то, что происходит возле их автомобиля. Один из них, бросив ошарашенный взгляд на подбегающего Антона, сунул правую руку под рубашку, но получил сокрушительный прямой в нижнюю челюсть и рухнул на ступеньки террасы. Последний из кавказцев, выкрикнув что-то неразборчивое, замахнулся на Орлова, но десантник, прикрывшись плечом от скользящего выпада, вмазал противнику коленом в пах. Протяжно взвывая, тот согнулся и начал падать. Добивающий удар пришелся ему на затылок, и Лёне показалось, что он услышал хруст позвонков.

– И делов-то, – усмехнулся Руденко, поочередно обыскивая поверженных владельцев джипа. – О! Ты смотри, у него откуда-то «Макаров» табельный. Ворованный, что ли? Братуха, ты разве не знаешь, что это противозаконно? О, а этот, кажись, уже двухсотый...

– Всю жизнь мечтал порулить такой махиной, – Орлов оттащил тело водителя, мешающее сесть в машину, по-хозяйски похлопал ладонью по рулю и повернулся к Светлане, которая тарасила глаза от ужаса и не могла поверить, что все это происходит не в кино, а на самом деле:

– Поехали, красавица. Тебе здесь нечего ловить.

Девушка, прикусив губу, взглянула на Лёню. Он не знал, что сказать и лишь слабым голосом пролепетал:

– Не надо... Я все сделаю... Я люблю тебя, Лисёнок...

– Останешься с ним, так уже завтра тебя будут любить полсотни отморожков, – с мрачной насмешкой выделив слово «любить», проговорил Антон. – Ты еще не поняла, что началась ядерная война? Законов и судов больше нет, и теперь каждый сам себе суд и закон. Глянь на своего хилака. Разве он сможет тебя защитить? А я смогу.

Лёня смотрел на любимую в упор, молча и дрожа всем телом. Он чувствовал, как кровь его буквально заледенела, ведь только что в трех шагах от него убили человека. Если сначала у парня и была робкая надежда, что десантники просто тупо, по-идиотски его разыгрывают, то короткая и жестокая, нет, скорее даже зверская расправа с кавказцами лучше всяких слов говорила: шутками тут и не пахнет.

Свету тоже сотрясала мелкая дрожь, она бросала затравленные взгляды то на педагога, то на десантника.

– Я даю тебе десять секунд, – сурово сказал Орлов, – больше ждать не буду. И если поедешь со мной, не вздумай распускать нюни. Ты больше не лисёнок, отныне ты волчица. Время пошло...

На мгновение в глазах Лёни все расплылось, а девушка прошептала: «Прости, Лёничка», бросилась к тонированному джипу.

Может, десять минут, может, двадцать, а может, и целый час несостоявшийся преподаватель смотрел в ту сторону, куда умчался резко сорвавшийся с места внедорожник.

– Слюшай! Ты нэ адолжышь свой Фиат?

Лёня повернул мокрое от слез лицо и увидел, что трое избитых до беспомыслия кавказцев кое-как пришли в себя и уже окружили его машину. Четвертый со ступеней террасы так и не поднялся.

– Забирайте, – сказал бывший педагог и, безвольно махнув рукой, побрел в сторону Таганрога.

Глава 1

Всем предстоит умереть: старикам и совсем ещё юным

С раннего детства Олег любил приходить на берег и смотреть на непрерывное скольжение воды, на темные, с мутно-белыми вкраплениями пены гребни волн, которые с убаюкивающей лаской подкатывались почти к его ногам. Миус тек живой тайной, субстанцией иного мира, где никому не было никакого дела до суетливой человеческой жизни, укрывшейся за частокколами Лакедемона. Река могла казаться спокойной или яростной, практически недвижимой или стремительной, но даже закованная в лед, она не теряла неуловимой притягательности и очарования, от которых Олегу становилось теплее на сердце. Свои печали, невзгоды, терзания и боль оставлял он в непрозрачных водах. Но сегодня верная река не сумела унести даже кусочек его тревоги. Слишком много было в душе беспокойства и смятения, гораздо больше того, что могли бы растворить в себе глубины вечного Миуса.

Жена Олега умерла. Еще неделю назад. Она принесла в мир новую жизнь, но в уплату отдала свою. Карине было всего семнадцать... Хотя, нет, правильнее сказать: ей было уже семнадцать! Далеко не каждый оказывался способен дожить и до такого возраста.

Мать Карины, достойная Ксения, родила шестерых: двух мальчиков и четырех девочек. Первенец оказался беспалым уродцем, поэтому вскоре был задушен. Две дочери умерли от степного поветрия, поразившего Лакедемон семь лет назад, еще одну укусила жгучая многоножка, и, вопреки ожиданиям, девочка не справилась с ядом насекомого. А вот теперь от родов скончалась Карина, и значит, у достойной Ксении из шести детей в живых остался только мальчик, двенадцатилетний Миша, но кто скажет – отпразднует ли он свое совершеннолетие? Получалось, что Карина оставила мир живых далеко не в самом раннем возрасте...

Но судьба чужих детей Олега совсем не беспокоила: все, кто родился от полноправных граждан общины, с пеленок умели смотреть смерти прямо в глаза, не отворачиваясь и не отводя взгляда. Их готовили встречать свою гибель в полном вооружении, с боевым кличем на устах. Мальчики учились убивать раньше, чем познавали женщину: в пятнадцать лет, пройдя посвящение и зарезав раба, они получали личный меч и гладкоствол, а также право присутствовать и голосовать на Общем Собрании, а позже обзаводились семьей.

Спустя всего несколько месяцев после своего пятнадцатилетия, наравне с закаленными воинами, Олег уже бился с гидрами, хлынувшими из отравленного радиацией Азовского моря в устье Миуса. Водные бестии, чем-то схожие с гигантскими рыбами, так как кроме щупальцев у них имелись еще и плавники, пытались пересечь земляную насыпь и дамбу. Одиннадцать мужчин и три женщины пали тогда. Олег получил несколько ожогов и провалялся в горячке две недели, но выжил, практически вернувшись с того света. Может, именно поэтому его совсем не волновала ни своя смерть, ни чужая, и Карины тоже, пожалуй. Ведь когда-то юноша мечтал совсем о другой, но решение о браках принимали старейшины, и в жены ему назначили дочь достойной Ксении, а ту, которая снилась Олегу холодными ночами, когда он лежал на жестком полу интерната, отдали лучшему другу – Артуру, сыну и наследнику царя Антона.

«Воин тем отличен от крестьян и рабов, что способен справиться со своими эмоциями, он потому сильнее слуг, что является господином своего тела и повелителем своей души. Незамутненный разум его сияет яркой звездой в ночном небе, и воля его непреклонна» – вновь и вновь юноша повторял про себя эту фразу из Кодекса чести, присутствуя на свадебных торжествах друга.

Но если прежде Олег равнодушно взирал на смерть, то совершенно неожиданно жизнь, совсем еще крошечная, незащищенная перед опасностями этого жестокого мира, всколыхнула его душу, как порой ураганный ветер вздымает темные волны Миуса.

– Мои соболезнования, Карина умерла, – сказал старейшина. – Ты знаешь, так бывает, но дочь твоя здорова, и ей найдут кормилицу. А пока можешь поддержать ее.

Молодой воин смотрел на лежащий в ладонях маленький сверток из ткани, застиранной до серого цвета, смотрел растерянным взглядом, не понимая, что же с ним делать, и тут в пеленках что-то шевельнулось... Боясь уронить оживший вдруг кулёк, Олег неловко прижал его к груди. Может, девочка дернула ножкой или ручкой? Или просто повернула головку на бок? Юноша не заметил. Но слабое движение совсем еще беспомощного существа показалось чудом из чудес. На какие-то доли секунды Олегу вдруг почудилось, что в этом крошечном человечке ожила его сестра, которую он почти не помнил, и, конечно, мать, о которой он старался не думать, и бабушка, которую он никогда не видел, и еще длинная вереница женщин, умерших давным-давно...

Сильные руки бойца дрогнули, и внутри, в самом центре груди, сначала что-то сжалось, а потом стало вырастать чувство, причиняющее боль. Олег испугался, как не боялся в день битвы с гидрами или в ночь посвящения в мужчины, – он поспешно отдал младенца какой-то женщине и вышел вон.

«Лучше бы ты не рождалась», – подумал новоиспеченный отец.

А на шестой день кормилица заметила у девочки отклонение – кошачьи зрачки. Естественно, она отказалась нянчить новорожденного выродка. Да кто бы не отказался? Это рабы могут плодить уродов, а от элиты – только здоровое потомство. Так было установлено уже много лет, и Олегу никогда не приходило в голову спорить, но неудержимая тревога не хотела подчиняться разуму... и даже воды Миуса не могли поглотить её.

И вот Олег стоял на берегу возле рыбацкой станции, рядом с дамбой и теребил перевязь казацкой шашки. Обычно один лишь взгляд на этот редкий в нынешние времена клинок наполнял сердце гордостью, внушал уверенность в собственных силах – ведь владеть подобной вещью мог далеко не всякий. Во всем Лакедемоне таких счастливых и двадцати не набралось бы, а остальные воины были вынуждены довольствоваться работой местного кузнеца-умельца, что ковал мечи и тесаки из автомобильных рессор, но разумеется, эти грубоватые самodelки не слишком хорошего качества ни в какое сравнение не шли с холодным оружием, изготовленным задолго до Великого Коллапса. Отец Олега привез эту шашку из первого Азовского похода, и когда юноша получил клинок в наследство, то именно его превосходно отполированная, украшенная травлением и гравировкой сталь помогала справляться с горем потери, но сегодня ничего из проверенных средств не сработало, и юноша до боли в пальцах то сжимал, то разжимал цевье «Сайги», блуждая взглядом по поверхности реки. Волн не было – в тихую погоду возле дамбы их вообще никогда не бывает.

Чуть поодаль три крестьянина-рыболова нагло препирались с инспектором. Олег не помнил, как звали этого пузатого человека, одетого в грязный плащ и потрепанный камуфляж, – Осипчук или Осипенко, – но оплывшее лицо, мясистый нос, свисающий почти до верхней губы, маленькие, близко посаженные глазки, со злобой смотревшие на мир, а также вечно надутый вид внушали откровенную неприязнь.

– А я говорю, – ревел инспектор, брызгая слюной, – это дерьмовая рыба, и полные трудодни я вам не засчитаю, от нее фонит – мама не горюй.

– Как вы можете знать, – возмущался самый борзый рыбак в рваной рубаше, – фонит от нее или нет, если последний счетчик Гейгера сдох больше десяти лет назад?

– Нутром чую, – рявкнул инспектор, смешно раздувая ноздри.

– Значит, никто в Лакедемоновке не чует, а вы один чуете? – не уступал рыбак, довольно удачно передразнивая характерное движение ноздрями.

– Не смей называть Лакедемон Лакедемоновкой, – прорычал инспектор, и нос его покраснел от гнева. – Это старое название из прошлой жизни, и вообще, вижу, раб, ты заговариваешься!

– Я не раб, – с достоинством ответил рыбак, – я крестьянин, и я свободный. Никто не имеет права называть меня рабом. Я подам жалобу в Совет старейшин.

Инспектор побагровел, затем аккуратно положил на песок ружье и с кулаками двинулся проучить наглеца.

– Я тебе щас покажу права, скотина тупая, – прошипел он.

Рыбак даже не пытался сопротивляться, а только зажмурился, готовясь получить взбучку. Но ничего не произошло, потому что сверху, словно с небес, послышался властный голос:

– Игорь! Прекратить самоуправство!

Все обернулись. На возвышенности возле ворот частокола стоял не кто иной, как сам Роман, один из двух царей Лакедемона, родной дядя Олега. Это был высокий, подтянутый мужчина; возраст почти никак не исказил правильных черт его лица, и лишь запорошил волосы заметной сединой; аккуратно подстриженная бородка темно-русого цвета (которую царь имел обыкновение теревить в минуты задумчивости) под нижней губой не росла вовсе, и там образовывались как бы две полянки в густом лесу.

Пальцы правой руки юноши сами собой сжались в кулак и рванулись к левому плечу – в приветствии.

– Доблесть и сила! – прокричал он в один голос с инспектором.

– Во имя победы! – ответил шаблонной фразой Роман, но руку в ответном приветствии не поднял (такая вольность старшим по должности позволялась).

– Игорь, но ведь рыбак прав, – неторопливо заговорил царь. – Он не раб, а потому не допускай оплошности, будь избирателен в словах.

Инспектор опустил голову и что-то невразумительно пробурчал, стараясь не смотреть на царя, которого давно ненавидел. Показывать свои чувства было ни к чему, ведь это могло только позабавить недруга, который прекрасно знал о собственной неуязвимости. Конечно, сейчас высокое положение защищало его лучше, чем когда-то бронежилет.

«Ты, пришел сюда, собака, поглумиться надо мной, – со злобой думал Игорь. – Ничего, посмотрим, как вы запоете, ты и твои дружки, когда я допишу свой дневник и все узнают о ваших подлостях, цари гребаные... Да ты кто такой, майоришка недоделанный... Произвел сам себя в генералы, подлец!»

– А вы, трое, – обратился царь Роман к рыбакам, – помните, что вы хоть и не рабы, но обязанности свои выполнять должны. Право жить в стенах Лакедемона надо добросовестно отрабатывать, иначе можно и в Малую Федоровку вылететь. Там за частоколом с десятков желающих на каждое ваше место найдется. Посему благодарите свою судьбу и не препирайтесь попусту с инспектором.

– Да, царь, – ответили смиренно потупившиеся крестьяне.

Довольный своим назиданием, Роман почесал бородку и обратился к Олегу:

– Я за тобой, племянник. Ты ведь знаешь, почему я пришел?

Олег, конечно же, знал. Судьба новорожденной с отклонением была предрешена, и не позднее чем завтра жизнь его дочери должна закончиться. Юноша плелся за дядей и пытался понять, почему весьма почетную привилегию – сопровождение царя – он выполняет сегодня с такой унылой неохотой. Кажется, еще вчера он был бы весьма горд пройти по центральной улице и, безусловно, оказаться в центре внимания, но сегодня, переводя глаза с мощной дядиной шеи себе под ноги, молодой человек рассеянно посматривал на дома: саманные, деревянные, кирпичные. Редкие прохожие, главным образом – беспокойные крестьяне и ленивые рабы, шарахались в стороны, иногда до слуха Олега доносилось: «Доблесть и сила», но он не обращал

на этот приветственный клич никакого внимания, поскольку шел рядом с царем, а тот лишь едва заметно кивал воинам. На сером, безукоризненно чистом плаще Романа почти во всю спину была вышита золотистая буква «L», которая двигалась в такт неровной походке. Наконец, показалось поле стадиона, где несколько десятков подростков из интерната, в основном парни, но изредка среди них мелькали и девушки, отрабатывали свой ужин. Олег по собственному опыту знал, что приходилось им нелегко.

У опытных воинов было немало хитростей, которые позволяли выиграть драгоценную секунду во время боя. Сейчас, выстроившись в два ряда, юные бойцы доводили до автоматизма работу с копьями. Конечно, во время тренировок, вместо тяжелого древка с железным наконечником, использовались просто шесты, но разбитые в кровь пальцы были самой малой платой за невнимательность. Суть упражнения заключалась в том, что боец во второй шеренге выкрикивал чье-то имя из стоявших впереди, одновременно с выкриком делая бросок. Названный должен был мгновенно сориентироваться, обернуться и поймать летящий шест. Этот прием требовал не только великолепной реакции, но и ловкости, помноженной на интуицию.

* * *

Над полем возвышался Храм Славы, и два его синих купола поблескивали в закатном солнце июльского дня. Раньше, до Великого Коллапса, это была обычная деревенская церковь, над розоватыми стенами которой возносились кресты. Но пришли другие времена, воскресли иные боги, кровавые, беспощадные, не ведающие ни жалости, ни милосердия, не прощающие ошибок; кресты куда-то подевались, а штукатурка цвета бледной зари – осыпалась. Здание потускнело, помрачнело обликом. Может, и ушла из него Божья благодать, как исчезли священники и канули в небытие иконы с изображениями святых, но смутное величие все еще витало рядом с этими стенами, а порядком выцветшая синь куполов привлекала взгляд.

Впрочем, Олег не загружал свою память такими ненужными словами, как «церковь», «благодать», «священники», «иконы», да и прочей белибердой минувшей эпохи. То есть сначала ему было интересно слушать воспоминания стариков о золотом веке, когда люди летали по небу, разговаривали друг с другом, разделенные невероятными расстояниями, ходили по Луне, опускались на дно морское... но однажды отец сказал ему:

– Да и что с того? Ну, было время, когда человек возомнил себя равным богам. А помогает ли это завтрашнему дню? Остановит ли хоть одну гидру, заставит ли птеродактилей не зариться на отбившихся от стада овец, придаст ли мужества в бою с врагами, с выродками-мутантами? Нет! Наоборот, это бабское нытье о прошлом лишь отнимает смелость, не дает покоя и попусту тревожит сердце.

После таких слов мальчик, старавшийся во всем подражать отцу, лишь презрительно кривил губы и отворачивался от подобных вещей.

– Доблесть и сила! – к царю подошел голый по пояс крепыш, лет сорока пяти.

Под его смуглой кожей, иссеченной многочисленными отметинами белых шрамов канатами свивались и перекачивались мышцы, левый глаз, потерянный на какой-то давней войне, закрывала повязка цвета хаки, зато правый напряженно вглядывался в собеседника.

В нос Олега ударил резкий запах пота, отчего жаркий день стал еще более душным.

– Во имя победы, Анатолий, – ответил Роман, – приветствую тебя. Антон здесь?

– Царь Антон изволил пойти домой, – ответил одноглазый, делая особое ударение на титуле.

– Ага, – кивнул Роман, – теперь бегать за ним придется, просил же, чтобы подождал...

– Наверное... – Анатолий нахмурился и замолчал, поглядывая в сторону занимающихся боевой подготовкой юнцов. – Ваня! – вдруг заорал он во всю глотку. – Ты как шест держишь?! Убоище лесное, где твоя левая рука, почему не работает?! Я сейчас подойду и вырву ее из

поганого плеча к ядрене фене, раз она тебе не нужна!.. Давай, давай, двигайся... резче, резче!.. Прошу прощения, не сдержался, – улыбнулся Анатолий, попытавшись придать лицу почтительное выражение.

Олег очень не любил Анатолия, командира трех десятков элитных воинов, так называемых гвардейцев. Может, причина была в банальной зависти, ведь его самого так и не включили в состав гвардейцев. Или не мог он забыть жестокий нрав наставника, еще с тех времен, когда будучи безусым мальчишкой жил в интернате, где с утра до ночи, прерываясь лишь на еду и сон, тренировал тело и дух для будущих суровых испытаний, но тем не менее частенько попадал под тяжелые кулаки воспитателя. Да и кроме того, Анатолий был человеком царя Антона, то есть представлял другую группировку. Так что стойкая неприязнь к этому человеку, скорее всего, сложилась из всех трех причин.

– Ничего-ничего, – Роман оставался невозмутимым, словно не замечая нарушение субординации, – наставник должен воспитывать подрастающее поколение в непоколебимом и непреклонном духе. Так, что ты там начал говорить?

– Я хотел только сказать, что раз царь ушел, не дождавшись вас, значит, на то были веские основания.

– Да... – Роман почесал бороду, посмотрел на голубеющие купола Храма Славы, снова почесал бороду, и задумчиво проговорил: – Будем надеяться. Ладно, спасибо тебе, Анатолий.

Крепыш слегка поклонился и направился к полю стадиона, яростно матеря какого-то недотепу, уронившего шест.

* * *

Одноэтажный дом царя Антона, выкрашенный в два цвета – известью в белый, а цементным напылением в темно-серый – был, пожалуй, менее роскошен, чем жилище царя Романа. Но это здание обладало одним неоспоримым преимуществом: оно стояло напротив Дворца Собраний, бывшего сельского Дома Культуры. Когда-то тот был нежно-оранжевым, но то ли слишком праздничные тона перестали соответствовать жизни, то ли кончились запасы краски, только сейчас отделка Дворца Собраний была точно такой же, как и резиденция царя Антона, серо-белой, и это очень не нравилось соправителю Роману. Мало того что жилище конкурента находилось напротив главного здания общины, так они еще выглядели одинаково, что как бы намекало, кто из двух соправителей более важен.

Анатолий не обманул: Антон действительно находился у себя. Царь, возраст которого подбирался уже к пятидесяти годам, но все еще очень красивый, крепкий мужчина, вышел к посетителям и, сославшись на присутствие в доме лишних ушей – жены Светланы и двух рабов – пригласил своего соправителя и Олега пройти до Дворца Собраний.

Все трое пересекли площадь, сохранившую почти весь асфальт и являвшую собой образец чистоты. Во всем Лакедемонском поселении не было более ухоженного места. Аккуратные, коротко подстриженные газоны радовали своей опрятностью, а голубые ели, величественные и гордые, устремлялись ввысь. Между хвойными деревьями, где когда-то стоял невысокий, покрашенный серебрянкой гипсовый памятник забытому ныне вождю исчезнувшего пролетариата, красовалась кирпичная арка, а в ней на мощной цепи был подвешен длинный рельс, служивший для созыва Общего Собрания. Боец при полном параде – в камуфлированной форме, с АКМ на груди и мечом на поясе – сжал руку в кулак и ударил по левому плечу, приветствуя проходившее начальство.

– Олег, сын Виктора, – начал чересчур официально и даже напыщенно свою речь Антон, – тебе известно, по какой причине ты здесь?

Олег молча кивнул.

– Хорошо, – сказал Антон, – я понимаю, что даже для закаленного бойца это непростое испытание: потерять жену, осознавая при этом, что она умерла впустую, породив на свет уродца, недостойного быть ребенком полноправного гражданина.

Олег снова дернул головой, во рту у него пересохло, язык будто прилип к нёбу. Он ожидал услышать длинную речь, с рассуждениями, которые звучали на каждом Собрании, – о том, что неисполнение закона приведет к скорой гибели общества (как уже однажды и случилось в прошлом), о том, что идеалы должны оставаться неколебимыми, и только эта неколебимость обеспечит в грядущем победу над всеми невзгодами, именно эта неколебимость даст подлинную власть Лакедемону, на котором лежат великие задачи... Однако царь Антон сказал коротко:

– У нас справедливые законы!

Олег промолчал, потому что ответа тут не требовалось.

– И ты должен совершить благородный поступок. Ты, Олег, сын Виктора, лично умертвишь выродка.

Губы юноши предательски дрогнули, он поднял голову и посмотрел в серо-зеленые глаза царя Антона. Взгляд правителя Лакедемона был непреклонным и жестким, искать снисходительности у этого человека было бессмысленно. Олег постарался взять себя в руки и снова кивнул.

– Да, – Антон похлопал юношу по плечу, – если бы младенец родился, не причинив ущерба матери, тогда его придушил бы по жребию кто-то из старейшин, но юная Карина, твоя жена, была убита этим маленьким исчадием. А значит, требуется личная месть, и ты должен стать орудием возмездия. Крепись и выполняй. Разумеется, твоя мужественность тебе зачтется.

Олег нахмурился, ничего не понимая, а царь Антон пересекся взглядом со своим сопративителем.

– Обязательно зачтется, – кашлянув и почесав бородку, сказал дядя, – уж не беспокойся. Достойный поступок получит свою награду. Олег, ты знаешь, у меня нет детей. Но твой отец, да восславят его вечные воды Миуса, был моим родным братом. У меня нет наследника, но когда душа моя пересечет Дамбу Теней и память о минувшей жизни растворится в Море Погибели, ты сможешь занять мое место. На ближайшем Собрании граждан, недели через две-три, я объявлю о твоём усыновлении, а также о том, что ты станешь моим преемником. Естественно, ты обязан быть идеальным гражданином и показывать пример должного поведения всем остальным, особенно подрастающему поколению.

Олег замер, а царь Роман положил руки на плечи юноши:

– Завтра утром, после построения на стадионе перед Храмом Славы, ты сделаешь то, что должен сделать. Виктор, будь он жив, гордился бы тобой.

Юноша посмотрел на гранитную плиту, где были высечены имена павших в бою воинов, нашел там имя своего отца и опустил голову.

– Ну, вот и славно, – промурлыкал Роман. – Когда у тебя дежурство?

– Сегодня вечером, – голос молодого человека был неестественно хриплым. – На седьмой вышке.

– Ты от него освобождаешься, но свои законные трудовые получишь. А теперь иди и приготовься к завтрашнему дню!

– Доблесть и сила! – пробормотал Олег, спеша отойти, чтобы перевести дух после таких новостей.

* * *

Роман, тяжело вздохнув, оперся на одну из гранитных плит и произнес:

– Антон, кроме нас здесь никого нет, но все же для разговора мне хотелось бы уединиться во Дворце Собраний.

– Что ж, пойдем.

Олег слышал эти слова и, скрытый густыми ветвями елок, наблюдал, как оба правителя неспешной, полной достоинства поступью направились к главному входу. Затем, ни о чем не думая, словно подчиняясь чужому приказу, он крадучись двинулся в обход здания и остановился у двери в маленькую каморку, где хранился садовый инвентарь. Чулан запирался не замком, а деревянной вертушкой, потому что воровство общественного имущества каралось очень жестоко, и охотников получить сорок плетей из-за украденной метелки или граблей не находилось. Олег вдруг представил, какое превосходное зрелище откроется, если кому-то понадобится какое-нибудь дурацкое ведро, и он заглянет в каморку! Юноша почувствовал, что капли ледяного пота стекают по спине: подслушать беседу царей... о, такое неслыханное преступление заслуживало как минимум смерти, однако молодой человек, никогда прежде не нарушавший правил, ничего не мог с собой поделать. Уйти было выше его сил, и поэтому, замерев в страшно неудобной позе, он прикинул ухом к дощатой перегородке.

Только три человека в Лакедемоне имели право открыть Дворец Собраний: два царя и казначей. Роман взошел на крыльцо, неторопливо порылся у себя в кармане, нашел отполированный ключ, вставил его в оттертую от пятен ржавчины замочную скважину. Дверь нехотя скрипнула, но легко поддалась нажиму и отворилась. Царь сделал приглашающий жест, его соправитель ухмыльнулся и зашел внутрь.

– Ну, вот, – облегченно вздохнул Роман, – здесь мы можем спокойно поговорить.

– Я слушаю тебя.

– Антон, ты знаешь, мы в некотором роде оппоненты, и это хорошо, – Роман говорил с легким придыханием, как делал всегда, если нервничал. – Да, это хорошо, ведь так поддерживается равновесие в нашем обществе, и только при таком условии остается выбор, благодаря которому мы можем найти оптимальное решение тех или иных проблем.

Роман постоял с минуту молча, как бы собираясь с мыслями, а Антон невозмутимо ждал, кривя губы чуть заметной снисходительной полуулыбкой.

– Я не хочу от тебя скрывать свои намерения, – прервал наконец тишину соправитель. – Мне кажется, что в истории нашей славной общины настал важный момент. На ближайшем Собрании граждан я предложу ряд реформ, которые должны будут укрепить Лакедемон.

– Целый ряд реформ?... – глаза Антона и без того жесткие, лучились странным, будто угрожающим светом, и казалось, что вместо зрачков у него радиоактивная руда.

– Подозреваю, ты их не одобришь, – Роман сделал неопределенный жест рукой. – Но я попробую обосновать необходимость осуществления этих реформ.

– Что конкретно тебе не нравится, мой соправитель и друг? – медленно и спокойно, почти по слогам, но с заметными нотками угрозы проговорил Антон.

– Первое, что я хочу предложить, – будто не заметил недовольства собеседника Роман, – это закон о формализации ритуальных убийств. Для Лакедемона сейчас любая жизнь на вес золота. И убивать даже ущербных – непозволительная роскошь. И потому ритуал нужно превратить в формальную традицию, например, во время инициации юный воин должен не убивать, а просто избивать раба. С шестого года после Великого Коллапса ведется ежегодная перепись населения, и, думаю, ты в курсе, что число жителей за это время уменьшилось почти в три с половиной раза, убийство рабов экономически невы...

– Ладно, – оборвал Антон, – я понял. Что еще ты хочешь предложить?

Роман бросил недовольный взгляд на собеседника, собрался с духом и продолжил:

– Отмена обязательного убийства неполноценных детей от полноправных граждан...

– Это уж слишком, – взорвался Антон. – Ты что, хочешь превратить Лакедемон в прибежище ущербных недоносков?!

– Нет, – Роман казался невозмутимым, но жестикуляция его стала резче. – Я предлагаю детей, у которых имеются какие-то отклонения, но при этом две руки и две ноги, переводить на ранг ниже, то есть неполноценные дети воинов становятся крестьянами, а дети крестьян с уродствами, становятся рабами, что собственно сейчас и практикуется.

– Знаешь, – Антон усмехнувшись покачал головой, – но в таком случае, через, например, сто лет этих выблядков станет так много, что они просто сметут полноценных людей.

– Мне кажется, ты слишком далеко заглядываешь вперед: сто лет! – Роман поднял указательный палец вверх, будто доказывая своим жестом важность изрекаемого. – Я боюсь, что при такой политике, как сейчас, с людьми вообще можно будет распрощаться лет через пятнадцать-двадцать или раньше. И учти, женщины, полноправные гражданки, смотрят на нас волком. А бабы в гневе страшнее любого мутанта и ядовитее азовской гидры. Чуть ли не каждый третий ребенок рождается с отклонениями, число воинов с шестого года после Коллапса уменьшилось на треть...

– Это все никому не нужная статистика, и только! – Антон буравил тяжелым злым взглядом собеседника. – Нужно гнаться не за количеством, а за качеством. Тебе просто жалко дочь своего племянника.

– Я сейчас тебе толкую не о жалости, а о целесообразности, – Роман тяжело дышал, на лбу выступили капельки пота. – Дочь Олега, как мы договорились, завтра будет задушена, потому что закон есть закон, и его не вправе нарушать даже цари.

– Все, что ты тут напридумывал со своими реформами, противоречит элитному воинскому духу...

– А что ему не противоречит?! – теперь взорвался Роман. – Совет, в котором заседают «старейшины» двадцати пяти лет от роду?

– Это вынужденная мера.

– Так вот все, абсолютно все, что я предлагаю, суть вынужденные меры и не более того... – царь Роман сделал глубокий вдох, потом выдохнул, голос его стал более спокойным, так что он мог говорить без придыхания. – В любом случае, я вынесу эти вопросы на обсуждение в Общее Собрание граждан.

– Как бы не так, – возразил царь Антон, и его лицо перекосила саркастическая усмешка. – Сперва твои сомнительные умственные потуги должен утвердить Совет старейшин, а вот если он утвердит, тогда уж пожалуйста, пускай голосует всяк желающий, ведь закон, ты сам только что сказал, есть закон, даже для царей.

Роман прекрасно понимал, почему соправитель упомянул Совет старейшин. Ведь из пятнадцати шестеро были ставленниками Антона, и только четверо – явными сторонниками Романа. Итого, если считать вместе с царями, пятеро против семи. Оставались трое нейтральных, которых каждая сторона перетягивала в свой лагерь, не гнушаясь даже прямым подкупом. Для того чтобы заблокировать любой проект, Антону нужен только один дополнительный голос, а чтобы запустить реформы, Роману понадобилась бы поддержка всех троих колеблющихся... И более чем понятно, в чью пользу тут расстановка сил.

– Безусловно, закон есть закон, – подтвердил царь Роман. – Просто, мой дорогой соправитель и друг, я рассчитывал на твою добрую волю, но раз ты не желаешь помочь мне в осуществлении необходимых мероприятий для спасения Лакедемона, я выставлю, как ты и требуешь, свои законопроекты на голосование в Совет старейшин. А теперь извини, меня ждут дела. У тебя есть ключ, и, полагаю, ты сумеешь самостоятельно запереть Дворец Собраний.

– Разумеется...

Один мужчина ушел, а второй еще долго стоял в полутемном холле. Стоял и размышлял. Размышлял и никак не мог решить, как же ему поступить в этот раз.

Да, снова, снова, будто из пепла восстает реформаторский зуд. Не ты первый, Роман, мой дорогой соправитель и друг, жаждешь перемен, не понимая, что тем самым подрываешь стабильность, порядок, традицию, само существование Лакедемона. Но, как видно, это у вас семейное. Был, был и до тебя такой смутьян... Шесть лет назад... Отец Олега. Но Виктор занимал кресло всего лишь рядового старейшины, а ты, Роман, царь...

Антон стоял не двигаясь, скрестив руки на груди и смотрел будто сквозь стену, вдаль, где огромное, кроваво-красное солнце уже касалось краем горизонта. Тени во Дворце Собраний становились все гуще, укутывая фигуру одинокого человека, который не замечал этого, и видел перед собой совсем другие картины...

...Предрассветный сумрак октября. Хлещет ливень. Яростный. Ледяной. По рассказу разведчиков – жителей в деревне человек семьдесят. Это удача. Уже лет пять как не попадались поселки, населенные людьми. Воины, разбитые на три восьмерки, идут не таясь. Все облачены в камуфляж, броники, каски... Лица закрыты противогазами, хотя фабричные фильтры для них давно закончились, но даже самодельные все же лучше, чем ничего. У каждого на плече «калаш», у двоих в отряде – СВД. Из-за угла выскакивает какой-то мужичонка со стареньким ружьем. Вид у него совершенно убогий и почти неопасный. Кто-то из нападающих – совсем еще сопляк – срезает мужичонку очередью, за что тут же получает оплеуху от старшего восьмерки: только шум поднял и впустую патроны потратил. Отряд разбредается. Сквозь шум дождя доносятся женские вопли, выстрелы, детский плач, звон металла, крики мужчин.

За попытку сопротивления следует незамедлительное наказание – смерть. На Антона выскакивает пара здоровенных детин с оглоблями. Оба на голову выше царя, но крестьяне – это не воины. АК на плече так и остается висеть, а в руку уверенной тяжестью ложится шашка, и через пятнадцать секунд оба громилы корчатся в грязи со вспоротыми животами. Один из поверженных верещит, как недорезанная свинья, но Антону до него нет никакого дела. Он тут же забывает про них и идет дальше, перешагивая через агонизирующие тела. Царь смотрит на сарай, возле которого прямо в луже сидит женщина. Ее рубашка, разорванная на плече, промокла до нитки и облепила худое тело. Кажется, она очень молода, хотя, кто знает? Все рабыни выглядят совершенно одинаково, заляпанные грязью и кровью, продрогшие до синевы, с распухшими от побоев лицами и покрасневшими от слез глазами. Может быть, позже, когда ее отмоют, она будет не лишена привлекательности, а сейчас... трясется в рыданиях, но от ужаса не издает ни звука, сжав зубами кулак.

Из распахнутой двери выходит Виктор. Его сабля по самую рукоять вымазана в красно-буrom. Он видит добычу, недобро ухмыляется, не торопясь подходит к ней, хватая за волосы свободной рукой и тащит за собой. Женщина отчаянно дергает испачканными в грязи ногами, пытается вырваться, но тщетно. И она вдруг сразу обмякает, покоряется судьбе. В сарае начинается возня и натужное сопение.

Вспышка молнии освещает избиваемую деревню, а через два-три мгновения словно небо рушится с оглушительным грохотом. Откуда-то подходит начальник гвардейцев Анатолий. Его противогаз непроницаемый для плача, мольбы и стонов, словно бесстрастная и ужасающая маска, смотрит темными глазницами на царя. Тот еле заметно кивает. Гвардеец, держа клинок наготове, скрывается в темном проеме двери. Тянутся долгие секунды. И вот Анатолий появляется, оглядывается по сторонам и уходит. Никто в суете ничего не замечает, а ведь сделано сразу два важных дела. Два зайца убиты одним ударом: в Лакедемон пригнаны сорок новых рабов, а горе-реформатор пал смертью храбрых. В бою. С обнаженным мечом. По рукоять в крови. Как и положено настоящему бойцу. Да восславят его священные воды Миуса.

Глава 2

Смерть равнодушна, смирись. Равнодушие смерти заразно

После подслушанного разговора Олег не знал, куда себя деть. Причем он не мог понять, что привело его в большее смятение: то ли слова, которые ожесточенно бросали друг другу цари, то ли факт совершенного им самим беззакония. Что же оставалось? Отправиться спать, а завтра утром исполнить то, что предназначено судьбой? Идти домой решительно не хотелось, к тому же было ясно, что заснуть не удастся: тревога ерзала внутри, не давала покоя. Но разве это так трудно – умертвить убийцу своей жены? Неужто у него не хватит сил или мужества?

Ему вдруг вспомнился обряд совершеннолетия.

Безлунная ночь, освещенная лишь пламенем факелов... Огромные, полные страха зрачки старого раба, выбранного в жертву... И как легко вошел короткий, старательно наточенный меч в дряблую от немоги плоть... точно в коровье масло. Старик издал слабый хрип, глаза его покрылись дымкой, стали стекленеть, гримаса ужаса сменилась маской отрешенности и равнодушия. И это жуткое безразличие к ускользающей жизни испугало Олега, он, потерявшись, отпрянул, забыв вытащить клинок из умирающего раба, чем, безусловно, поставил своего отца в неловкое положение перед остальными старейшинами, наблюдавшими за ритуальным убийством. Но дядя Роман спас положение, подошел к пятнадцатилетнему мальчишке, похлопал его по плечу, обнял и произнес:

– Молодец, племянник. Поступок, достойный не мальчика, но мужа.

А потом еще три месяца каждую ночь к юному бойцу приходил старый раб с клинком в груди. Он ничего не говорил, ничего не делал, просто стоял и смотрел. И Олег не выдерживал, отворачивался от призрака, выкрикивал ругательства или начинал просить у старика прощения. Но, что бы ни творилось ночью, утро разгоняло морок, и кошмары казались лишь глупым сном, нелепой фантазией, смехотворной обманкой, не стоящей внимания полноправного гражданина Лакедемона. Днем и вовсе все забывалось, будто раба этого не было никогда на свете, на душе становилось спокойно, безоблачно... пока не наступала следующая ночь. И снова проклятый мертвец, пронзенный мечом, приходил и молчал, стоял и молчал... А однажды старик вдруг заговорил, без ужаса, без злости, без ярости:

– Я прощаю тебя и отпускаю. Мне здесь лучше.

После чего ушел и больше не возвращался. Олег на целых три года забыл о зарезанном, но вот сейчас – вспомнил.

«С тех пор я не убил ни одного человека. Пока что не убил...» – мрачно сказал про себя юноша.

Олег вдруг сообразил, что оказался напротив интерната, двухэтажного П-образного здания. Здесь, оторванный от матери, он провел долгих восемь лет в постоянных тренировках. Когда парню исполнилось пятнадцать, и он прошел обряд посвящения, его переселили в казарму для молодых бойцов. Еще через два года старейшины нашли ему жену – совсем еще юную, почти девчонку, Карину. Он вспомнил с какой гордостью переехал в свой дом, и считал, что стал совсем взрослым – ведь теперь он, наравне с остальными воинами, стал получать трудодни за дежурства и мог участвовать в разделе добычи, если бы отправился в поход. А останься Карина жива и родись ребенок здоровым, получал бы еще больше. Но увы. Душа жены теперь пересекает Дамбу Теней, и скоро память ее растворится в Море Погибели.

– Здорово, Олежка!

Олега взбесила эта уменьшительно-ласкательная форма, и он, сжав кулаки, резко повернулся, но увидел человека, которому прощалось многое, в том числе, и такая фамильярность: перед ним стоял лучший друг, высокий, атлетически сложенный парень, которому даже слегка крючковатый нос не портил правильные черты лица. Артур раскрыл ладонь.

– Привет, – буркнул Олег, отвечая на рукопожатие.

– Я тебя сегодня целый день не видел. А это не просто в нашей деревне. Смотри-ка уже солнце село, – он ткнул куда-то в небо. – Ты чё такой хмурый?

Олег без излишних подробностей рассказал о намерениях дяди, умолчав, впрочем, о содержании подслушанной части.

– Так это же круто, я и ты наследники! – воодушевился Артур. – Твой дядя и мой батя ведь не особо ладят, но мы-то другое дело, а? – подмигнув, он ткнул друга кулаком в плечо. – Прикинь, я и ты, без всяких этих сраных разборок. Нет, ты только прикинь, мы вдвоем весь Лакедемон на цырлах ходить заставим.

– Да... – без особой радости протянул Олег, – заставим...

– И насчет потомства не суетись, отделаешься завтра от всего этого дерьма, а через пару недель тебе старики новую бабу найдут, – Артур сощурился и тихо, со сладостью в голосе протянул: – Де-евственницу. Молоденькую, необъезженную...

– Да уж... – вяло согласился Олег, – необъезженную...

– Слушай, я не могу на тебя смотреть. Ты на себя не похож. Унылое убоище какое-то, а не воин, – Артур обнял товарища за плечи, встряхнул, отпустил и продолжал болтать. – А пойдем в пивную? Там еще не все места должны быть заняты. Нет, надо второй кабак открывать, а то одного на всех не хватает. Как стану царем, обязательно займусь этим вопросом...

– Ага... займись... – Олег посмотрел на друга, потом на здание интерната, перекинул «Сайгу» с одного плеча на другое, сплюнул под ноги и с неожиданным для себя остервенением проговорил: – А вправду, пойдем нажремся! Только ствол в Арсенал сдам.

* * *

«Гараж», единственный кабак Лакедемона, располагался в большом сарае, который в прежние времена в самом деле служил сельским гаражом, поэтому в нем до сих пор висел слабый запах бензина, впрочем, порядком приглушенный ароматами еды. Побеленный потолок расчерчивали балки темного дерева, а стены были украшены шинами из начинающей крошиться резины, и номерами, снятыми с машин, которые давно где-то сгнули, проржавели в труху. Тонкие перегородки, отделявшие столы, дарили ощущение уютной изолированности, и, хотя не могли полностью заглушить разговоры соседей, по крайней мере, позволяли есть и пить без навязчивых взглядов в рот со стороны.

Друзья успели вовремя и заняли последний свободный столик.

– Где этот толстожопый крестьянин? – Артур вытянул шею, пытаясь найти взглядом хозяина пивной и громко позвал: – Гоги! Жирная свинья, ты где?

Из-за стойки бара, где символами былого великолепия красовался десяток давно пустующих бутылок, показалось лоснящееся толстощекое лицо.

– Гоги! – весело закричал Артур. – Упырь горбоносый, ты нас кормить собираешься или мы с голоду тут сдохнуть должны? Бухло тоже тащи! Что твой хилозадый служба? Где это чучело?

Лицо хозяина расплылось в неестественно широкой улыбке:

– Сейчас, все будет, Артурчик...

– Еще раз меня так назовешь, я тебе меч в задницу вставлю и три раза проверну.

– Прости, Артур, прости, дорогой, – Гоги стал улыбаться еще шире, хотя, казалось, что это уже невозможно. – Что ты хочешь? Похлебка свиная с кровью есть... Бражка сливовая есть...

– Эту байдю сам жри, – Артур протестующе замахал руками, – я ее в интернате за восемь лет так наелся, что тебе и не снилось. А хрень твою радиоактивную даже свиньи не пьют, я проверял. Что из еды у тебя есть?

– Артур, извини дорогой, но ты больше ста пятидесяти трудодней должен, – хозяин пивной встал в полный рост и пожал пухлыми плечами. – Отдавать когда будешь?

– Я тебе их прощаю, крестьянин! – расхохотался молодчик.

Последняя фраза заставила посетителей, которые и так уже прислушивались к разговору, замереть, дожидаясь ответа хозяина пивной.

Гоги перестал улыбаться, прицокнул языком, недовольно покачал головой, потом снова прицокнул языком и, уже без прежнего напускного благодушия, произнес:

– Артур, дорогой, извини, но я твоему отцу все расскажу.

– Что!? Жлоб позорный! Всякую дешевку фуфлыжную мне и моему другу толкаешь, – царский наследник нахмурился. – Не смей! Отцу он расскажет! А знаешь, как отец тебя зовет? Лицо какой-то там тупой национальности!

Гоги хотел было возразить, но тут в перепалку вмешался Олег:

– Да ладно, у меня есть трудодни, я...

– Э... не-не-не... – запротестовал Артур. – Я тебя пригласил, значит, я и плачу.

Потом он растянул губы в улыбке, почти такой же широкой, как раньше хозяин пивной, и ласково, почти виновато, проговорил:

– Гоги, ну ты же знаешь, что я все верну. Половину с дежурств буду отдавать и за месяц все верну. Ну что ты, забыл, кто я? Запиши на мой счет, пожалуйста, будь человеком!

Гоги скорчил недовольную гримасу, почесал небритую щеку, выдержал паузу, а потом, будто смиростивившись, сказал:

– Ну хорошо, Артур, тебе, как настоящему мужчине, верю! Что заказывать будешь?

Артур перестал улыбаться, но, довольный, щелкнул пальцами и торжественно проговорил:

– Вот так бы сразу. Значит, нам два литра крепленого из Ломакина...

– Может, с Малофедоровки лучше... оно дешевле будет.

– Не-не-не... – Артур замахал головой. – Для моего друга только лучшее. И не вздумай мне из Беглицы чего-нибудь подсунуть, я эту срань азовскую за версту чую, понял?!

– Обижаешь, дорогой! – Гоги вскинул руки. – Из Ломакина, значит, из Ломакина.

– Во-во, молодец, ты мне начинаешь нравиться, крестьянин! Так, дальше... давай баранину, свинину сам будешь жрать, и этих, салатов, что там сейчас у тебя имеется, помидоры, огурцы, петрушка... всю эту козлиную фигню для вкуса, ну, ты понял.

Хозяин пивной кивнул, отчего у него затряслись второй и третий подбородки, и громко, чтобы все слышали, проговорил:

– Смотри, запишу на твой счет. Но ты обещал все вернуть!

– Все верну, Гоги, все верну, не беспокойся, – Артур поднял вверх руку, будто этот жест мог заверить хозяина в надежности слов.

Гоги исчез. Через минуту служка-раб, худющий паренек с изможденным лицом, принес поднос, на котором стоял маленький бочонок вина, два граненых стакана и две фарфоровые тарелки с салатом. Подобная посуда подавалась только важным гостям, остальные довольствовались чашками и плошками из обожженной глины, которые в достаточном количестве производились в деревнях на побережье.

Стало совсем темно, и служка принялся зажигать свечи в светильниках. Друзья разлили вино, чокнулись, выпили, а потом Артур запальчиво прошептал:

– Обойдется, мерзавец! Каким хреном я это ему все верну?

– Ну, – Олег пожал плечами, – можно было и бражку попить, и свининой закусить...

– Да ни хрена! – возмутился Артур, впрочем, стараясь, чтобы на них не обращали внимание остальные посетители. – Мы с тобой наследники этой долбаной деревни, и, ты только вдумайся, должны выпрашивать жратву у чмошного крестьянина.

– Ну, – Олегу, не очень хотелось вдаваться в подобные темы, на душе точно камень висел, поэтому он ответил шаблонно: – Крестьяне хоть и неполноправные граждане, но не рабы, а потому обладают целым набором определенных свобод.

– Да ни хрена! – теперь уже намного громче возмутился Артур. – Не уподобляйся своему дяде! Мы этих жирдяев защищаем с оружием в руках, а они еще выделываются тут. Да и как я могу расплатиться с этим упырем? Вот, ты посуди. У меня выходит в месяц в среднем десять дежурств по двенадцать часов. Так как я женат, то каждое дежурство это два трудодня и четыре трудочаса. По статуту двадцать четыре трудочаса, то есть третья часть, сразу уходит в казну Общины. Остается восемнадцать. Мы с Анькой взяли в аренду у Общины рабыню высшей категории, – Артур лукаво заулыбался, заморгал, задергал бровями. – Славная рабыня, молодая, поджарая. Используем ее не только в быту, но и в постели...

От этих слов Олегу стало не по себе: Аня была той самой несбывшейся надеждой, о которой он мечтал в интернате. Но, к счастью, Артур продолжил рассказ не о постельных играх, а о своем незавидном финансовом положении:

– Итак, за эту девку с нас снимают девять трудодней, то есть половину от оставшегося. Анька ребенка родить никак не может, за три года три выкидыша и один мертворожденный. Значит, прибавки ни мне, ни ей не светит. С женскими должностями, сам понимаешь, дефицит. Да моя жена и не стремится особо. Один трудодень мы платим за обязанность заниматься спортивной и боевой подготовкой. А вообще, ты только подумай, платить за обязанность! Глупость какая-то! Надо будет это отменить!.. Так вот, остается восемь. Шесть уходит на всякую жрачку, причем не самую лучшую. Но не все ж бесплатную похлебку с кровью хавать. И мне достается только два трудодня. А на такой мизер даже один раз посидеть в кабаке не получается. И как мне жить?!

Артур тяжело вздохнул, потом разлил вино в стаканы до самых краев. Они выпили и в воздухе повисла тягучая тишина.

– Понятно, – Олег посмотрел на друга. Вино осело где-то в районе солнечного сплетения и теплой волной начало растекаться по животу и груди. – Так можно в кабаке и не сидеть...

– Да ни хрена! – почти выкрикнул заметно захмелевший Артур. – Я, значит, к батюшке... говорю: «Отец, я твой наследник, мне трудодней не хватает». А он мне, знаешь, что говорит?... Знаешь?... Мля, ну где эта баранина!!!

Олег почесал ухо и пожал плечами. Приятная волна докатилась до головы, заставив улыбаться, вино как будто унесло душевную тяжесть.

– А он мне говорит: «Нет такой должности «сын царя», иди на внеочередные дежурства». Нет, ты, мля, прикинь... отец родной, мля... говорит так... мля... нет такой должности... – Артур от досады стукнул ладонью по столу.

Служка наконец принес порезанное на куски мясо. Его запах так приятно щекотал ноздри, что заставил Артура на время забыть о нелегкой доле наследного принца. А Олегу было уже на все и на всех наплевать. Сколько он себя помнил, пробовать бражку доводилось раза четыре, а вино и вовсе только однажды, в гостях у дяди Романа, по случаю женитьбы на Карине. Алкоголь заволок сознание мерцающей дымкой, и оба друга с аппетитом накинулись на еду.

Мясо было в Лакедемоне дорогим удовольствием, так как животные, старательно выращиваемые крестьянами, редко давали приплод, но баранина была настоящим деликатесом, быть может, оттого, что птеродактили изрядно сокращали стадо именно овец. Не трогали они

ни свиней, ни уж тем более коров, куда им корову унести! А овцы – другое дело. Люди и вовсе не боялись птеров, хотя иной раз размах крыльев достигал у тех семи-восемью метров. Однако за двадцатилетнюю историю существования Лакедемонской Политии, вряд ли можно было припомнить с десятков случаев нападения этих тварей на человека. И лишь пару раз крылатым бестиям удалось убить зазевавшихся мальчишек. А однажды взрослый пастух, ловко выставив четырехметровую пику, которой он подгонял овец, умудрился тяжело ранить птеродактиля, а потом добить его. За это раба, согласно решению Совета старейшин, перевели в крестьяне. Он, конечно, так и остался пастухом, но за свою работу стал получать трудодни и мог не опасаться попасть в жертвы на обрядах совершеннолетия.

– Хорошее мясо, – протянул насытившийся Артур. – Вот это я понимаю, еда.

– Ага, – согласился Олег, глуповато улыбаясь: все горести его странным образом улетучились, оставив радостную легкость.

Друзья опорожнили стаканы, доели до последнего листочка салат и подобрали с тарелок даже самые маленькие кусочки баранины, потом выцедили оставшиеся капли из бочонка. Вино закончилось, и Артур, позвав служку, велел принести счет, а потом, будто внезапно на что-то решившись, полез за пазуху и достал тоненькую книжку, напоминавшую тетрадь.

– Гляди, что у меня есть, – заговорщицки прошептал он, бросив книжицу на стол.

– Это чего такое? – тихо спросил Олег, изрядно удивленный, так как не замечал раньше, чтобы Артур когда-либо читал книги.

– А ты посмотри...

Олег взял тетрадь в руки и, замороженный игрой язычков пламени на глянцевої поверхности, уставился на сидящую в белом резном кресле девицу. В неярком свете кабацких свечей ее вызывающе-дерзкий взгляд казался живым, роскошные, очень светлые волосы, будто шевелились от дующего ветерка, а кокетливо сдвинутые стройные ножки словно приглашали развести их руками. Девушка, изображенная на обложке, вроде была одета, но коротенькое, плотно прилегающее к плоскому животу платьице почти ничего не скрывало, заманивая взгляд в огромное декольте, с темнеющей ложбинкой между налитых грудей.

– Это женщина моей мечты, – Артур посмотрел затуманенным взглядом в потолок. – Моя богиня. Таких у нас здесь нет даже среди элиты... нигде таких нет...

– А по-моему, твоя жена намного красивей... – с чуть заметным оттенком обиды произнес Олег. – А что это сверху написано? «Рэ»?...

– Да это не по-нашему, – растерянно махнул рукой Артур. – Это не «рэ», это буква «пэ», дальше «гэ» перевернутое, вроде как «лэ». Короче, «Плаувоу» или... как-то так... ну, не знаю, мля... какая разница?

– А где ты взял эту книжку?

– Это не книжка, это журнал называется. Не поверишь, откуда он у меня. Прикинь, из самого Таг... – Артур неожиданно икнул, открыл рот, чтобы продолжить говорить, но вновь икнул.

Пришел служка и с необычной робостью сказал тонким голосом, писклявым от подступившего страха:

– С вас, господа, четыре с половиной трудодня.

Артур посмотрел на раба совершенно ошалевшим взглядом:

– Чё! Сколько?! Вы чё тут, гниды, совсем оборзели!!!

– Но вы же... – мальчишка потупился, окончательно растерявшись, – само... самое дорогое заказали...

– Я тебе шас, чушка рабская, – Артур привстал, схватившись за меч, – клинок в жопу вгоню по самую рукоять, как тебе каждую ночь этот жирный боров вгоняет... – тут наследник икнул в очередной, наверное, уже десятый раз и опустил обратно на стул, попытался

снова встать, но Олег, положил руку ему на плечо, достал из кармана брюк пять металлических квадратиков с цифрой «1» на каждом, бросил под ноги раскрасневшемуся служке и без злобы проговорил:

– Сдачи не надо. Что здесь лишнее, пусть твой хозяин спишет с долга Артура.

* * *

Колокол Храма Славы отбил полуночной набат, а это значило, что начался комендантский час. Впрочем, строгий запрет на передвижение по ночному Лакедемону касался только крестьян и рабов, но и свободным гражданам шастать по улицам, без веских на то оснований, не рекомендовалось. Однако двум друзьям, только что справившим малую нужду прямо посреди улицы, на эти рекомендации было наплевать с высоты купола Храма Славы.

– Нет, ну мрази позорные, – не унимался Артур. – Как стану царем, я этого толстожопого мудака Гоги в Миусе утоплю. Лично утоплю, суку. А кабаки вообще сделаю бесплатными, элитным воинам бухло будут выдавать, как кровяную похлебку...

Олег зажмурился, голова кружилась, а во рту обнаружился привкус кровяной похлебки. Только что он был совершенно пьян, а через минуту стал абсолютно трезв от пришедшей в голову мысли, что завтра, да нет, уже сегодня, должен будет убить свою дочь-выродка. И юноша вдруг понял, что если сейчас он останется с этими мыслями один на один, то сойдет с ума или сделает что-нибудь похуже.

С одной стороны, ничего особенного в этом не было: уничтожить неполноценного ребенка... На его памяти в Лакедемоне так поступали всегда. Но как позабыть тот странный миг, когда он прижал совсем крошечное человеческое существо к груди... В ту секунду он будто бы прозрел, осознал и понял все тайны страшного в своей необъятности мира. И крепла уверенность, что задушить девочку – значит убить весь мир: огромный, опасный, ужасный и прекрасный одновременно.

– Тебя домой довести? – спросил он вдруг охрипшим голосом. – Какой домой? – приснул смехом Артур. – Ты чё, мля, Олежка... праздник только начинается. Давай-ка лучше завалимся к девкам, в Дом Алён.

– Да мне-то все равно куда, лишь бы с тобой, – Олег помотал головой и хмель накатился новой волной. – А если бы у меня была такая красавица-жена, как твоя Аня, я бы никогда, ни за что, ни к каким девкам не ходил бы.

– А ты, когда пьяный, такую херь пороть начинаешь... – хохотнул Артур. – Если бы ты прожил с Анькой хотя бы год, то бегал к девкам каждый день, лишь бы дома не ночевать.

– Ладно, пошли к Алёнам, – легко согласился Олег, видя, что Артур поступит как решил, а одному, наедине со своими мыслями, оставаться было невозможно.

Дом Алён находился в южной части Лакедемона на самой окраине, недалеко от большого частокола. Это странное название получилось оттого, что из восьми потаскушек, проживающих в нем, троих звали Алёнами. Путанки, как они сами себя именовали, были свободными женщинами из крестьянок, и, как все люди из этого сословия, обязаны были работать на Общину Лакедемона, получая строго нормированное жалованье. Рабочий день у них, как и у остальных, начинался через два часа после утреннего набата, а заканчивался с набатом вечерним, то есть длился обычные десять часов. Главная и, пожалуй, единственная их трудовая задача состояла в обслуживании сексуальных потребностей жителей Лакедемона. В основном, конечно, воинов, но и зажиточным крестьянам также случалось заглядывать в заведение. Девы не имели права брать плату с клиента более одного трудочаса и обслуживать за день более десяти человек. Разумеется, далеко не всегда улов у них был удачен: в особо скудные дни на одну путану приходилось не более двух клиентов. Однако нельзя было сказать, что девушки

бедствовали, ибо с гораздо большей охотой занимались своим ремеслом в нерабочее время, по ночам, где и цены за услуги сильно отличались от дневных.

– Вот только... – произнес Олег, когда они прошли несколько метров, пытаясь держать четкий шаг.

– Что только?

– Как мы... – Олег морща лоб и пошатываясь пытался сконцентрироваться на какой-то мысли, но у него это никак не получалось. – Э-э-э... как... в общем... чем платить будем... карманы пусты... может, ко мне пойдем?

– Не-не-не... – хитро улыбаясь, помахал указательным пальцем Артур. – Платить у нас как раз есть чем... еще как есть, – он полез за пазуху, где хранил журнал со странным названием, и вытащил увесистый мешочек. – Смотри, за этот товар любую девку можно поставить раком, а потом еще раз и еще два раза.

– Что это за хреновина? – Олег взял мешочек, цвет которого был почти неразличим в темноте.

– Эта хреновина, – медленно, тихо, с каким-то особым смаком почти в самое ухо друга прошептал Артур, – называется дурью.

– Что за дурь? – Олег непонимающе закачал головой, отчего споткнулся и чуть не упал.

– Такая сушеная трава, – ловко поддержал друга Артур. – Которую курят в трубках, ну, таких штуковинах... ну... ты видел, наверняка...

– А разве курить не запрещено законом?

– Ну, ты точно, как нажрешься, так тупее любого раба становишься, – засмеялся Артур, потеряв равновесие и чуть не свалившись. – Чё в нашей деревне только законом не запрещено, мля. Отец тут переусердствовал. Шагу ступить нельзя, как на какой-нить запрет наткнешься... А ты что, никогда закона не нарушал?

– Ну... приходилось иногда, – сказал Олег, но не желая продолжать неудобную тему о нарушениях спросил: – А откуда дурь у тебя?

– А-а-а, вот это вопрос самый интересный, – Артур взмахнул рукой куда-то вбок. – Не поверишь! Из самого Таганрога...

– Но... – Олега бросило в жар, он вновь почти протрезвел. – Таганрог... город мертвый. Там радиация...

– Да ни хрена! – Артур забрал у Олега мешочек и опять спрятал за пазуху. – Обитаем он. И радиация там не настолько повышена, чтобы сразу копыта отбросить. Правда, живут там всякие дерьмовые выродки, ну вроде твоей дочурки, мля.

Олегу очень захотелось вмазать по морде лучшему другу, да так, чтобы у того зубы закрипели и кровища фонтаном брызнула, чтобы он башкой со всего размаху треснулся и больше подняться никогда не смог, но вместо этого оскорбленный отец процедил:

– А ты что, сам там был?

Артур остановился, посмотрел на Олега удивленными глазами и зашагал дальше:

– Ясен хрен, я там никогда не был и не собираюсь! Я что, на дебила похож? Один барыга туда ходит, приносит дурь и лекарства от радиации. Воняет, правда, от этого вшивого козла, обрыгаться можно с непривычки, но он ведь в Беглице живет, а там все такие недоноски. Взамен я ему патроны даю...

Теперь остановился Олег.

– Па-атро-оны? Стратегически важный товар? Ты... ты знаешь, чем это пахнет? Это же измена...

– Да тихо, ты! – Артур подошел к Олегу вплотную. – Ты чё? Какая, мля, измена? Если бы у тебя такие долги были, как у меня, ты и не тем бы занялся. Но долги – это фигня на самом деле, понимаешь? Мне напарник нужен. Козла этого я у беглицких отмазываю, я ведь сын царя, но с тобой мы и в самом Лакедемоне развернемся. – Артур глядел на Олега пристально, не

мигая. – Прикинь только, мы вдвоем, оба наследники, монополизируем два товара: лекарства от радиации, от них мертворожденных у женщин вообще не бывает, представляешь, вообще! И дурь тоже наша. Мы будем контролировать все не только мечом, но и делом, и даже словом... Прикидываешь, а? Твой дядя и мой батя не вечны...

Олег не мог поверить своим ушам. Вот оно как бывает! Наследник практически в открытую играет против своего отца, нарушает все мыслимые и немыслимые законы (что тут жалкий подслушанный разговор!), и главное – он даже не мучается выбором, не грызет его совесть, его вообще ничто не корбит, с легкостью преступает границу дозволенного, просто делает так, как ему хочется.

– И... долго ты этим занимаешься? – ошарашенно спросил Олег.

– Да всего-то месяца три. А в Лакедемон так вообще только второй раз товар притащил. Ну, а этот чмошник из Беглицы, пожалуй, уже пару лет приторговывает. Вся Беглица на дури и лекарствах сидит, только наши о том ни хрена не знают. Нашим-то что? Лишь бы натурналог вовремя выплачивали, да иногда ритуально их малость поубивают, а чем срань рабская в остальное время занимается, никого не волнует. Я, в общем, случайно прознал. Ну, пришлось правда, двух крестьян прирезать, которые этого козлиного челнока покрывали. Короче, я сам стал его крышей. Ну и еще в этом деле есть человек, но, хотя я тебе доверяю, о нем пока не буду говорить... о, а вот и Дом Алён.

Друзья остановились возле двери. Артур несколько раз размахисто ударил кулаком по деревянному косяку.

– Ну, так ты со мной, напарник? – спросил он, с необузданно разгильдяйским видом, похлопывая себя по груди, где лежал мешочек с дурью.

Олег все еще был ошеломлен свалившимися на него сведениями.

– Я тебе дам ответ завтра, после утреннего построения, но в любом случае я тебя не выдам. Вот, только ты скажи, а почему о лекарствах не сообщить в Совет? Старейшины могли бы принять решение о войне или официальной торговле с теми, кто живет в Таганроге?

Артур посмотрел на друга, как на сумасшедшего, и произнес очень серьезно, без всегдашней взбалмошности:

– Если об этом узнают все, то это уже не монополия. Какова тогда будет наша прибыль и власть? Не разочаровывай меня своими глупыми вопросами, Олег.

Вдруг послышался шорох и дверь отворилась. На пороге стояла полноватая женщина, длинный шелковый халат которой открывал босые ноги. Олегу она показалась очень привлекательной, хотя и было видно, что красота эта не первой молодости.

– Мальчики, – промолвила путана, ласково улыбнувшись, – вы к нам?

Глава 3

Только паденье познав, понимаешь всю радость полёта

Никогда раньше Олег не бывал в Доме Алён и удивился роскоши прихожей. Хотя, собственно говоря, что он знал о роскоши? Семилетним мальчиком, впервые увидев обтянутую бархатом мебель в гостиной царя Романа, с открытым ртом смотрел на собственное отражение в зеркальном серванте, а потом с необычайной робостью, почти со священным трепетом касался огромной хрустальной вазы на инкрустированном столике с колесиками, а хозяйка дома, жена дяди, произнесла певучим, чарующим голосом: «То, что ты видишь, раньше могли иметь обычные люди. Но теперь – только цари». И, засмеявшись, потрепала голову мальчишки своей необыкновенно белой рукой с потрясающе блестящими кольцами. После смерти матери Олег стал чаще бывать тут в гостях, но все же не смог поверить, что до Великого Коллапса большинство людей жили так (а по утверждению тети Елены, даже гораздо лучше), как сейчас могли позволить себе лишь избранные. И вот теперь, оказалось, что в круг избранных входит не только высшая элита воинов, но и кое-кто из крестьян.

Прихожая казалась еще больше из-за огромного зеркала в позолоченной раме, в котором отражались резные двери, отполированный до блеска канделябр с мерцающими свечами и гладкий лакированный пол, а стены были снизу доверху обклеены настоящими обоями. Все это великолепие так сильно напомнило о почти забытых детских впечатлениях, что на краткий миг молодому человеку показалось – он снова семилетний мальчишка, который с удивлением рассматривает чудесные вещи в полном тайн полумраке царского дома.

Женщина радушно улыбнулась гостям и протянула руку:

– Меня зовут Алёна, Алёна Первая. А тебя я знаю, ты Олег...

– Откуда ты можешь знать меня? И что за странное имя ты носишь? – спросил юноша, стараясь за высокомерием скрыть охватившую его робость.

Женщина зашлась неестественным, с нотками бесстыдства смехом.

– Я знаю в Лакедемоне многих: и мужчин, и женщин, и воинов, и крестьян, и даже рабов – всех, одним словом. Но все же мужчин я знаю несколько лучше, чем женщин, а воинов – намного лучше, чем крестьян. Работа у меня такая.

– Почему ты Алёна Первая? – продолжал настаивать Олег, привыкший получать ответы на свои вопросы.

Женщина снова засмеялась:

– А какой же мне быть? Может, нулевой? Я глава этого дома.

– Ну ладно, ладно, – произнес с неудовольствием Артур. – Хватит болтать, Алёна, давай пройдем к тебе, у нас дело есть.

Алёна Первая вскинула брови и указала ладонью на Олега.

– Да нормально, он в курсе, он мой напарник, – отмахнулся Артур. Олега слегка поколебала бесцеремонность друга, ведь буквально пять минут назад они договорились, что решение будет принято завтра после построения, на котором придется оправдать ожидания дяди, а Артур ведет себя, словно согласие уже получено. Но обсуждать это в присутствии шлюхи казалось глупым.

Женщина провела друзей в маленькую комнату. Здесь она зажгла ароматические свечи, воткнутые в металлический треножник и из полутьмы выступил маленький низкий столик с несколькими креслами. Алёна Первая сделала приглашающий жест, и парни сели. Женщина также опустилась на мягкую подушку сиденья, бесцеремонно закинув ногу за ногу. Ткань халатика сползла и открыла голые бедра, отчего у Олега вдруг перехватило дыхание.

– Я вас слушаю, – в голосе Алёны проскользнули резкие нотки.

– А чё нас слушать, – хохотнул Артур. – Нам бы поразвлечься...

– Да, – Алена Первая улыбнулась, вскинув голову, – это было бы неплохо. Но, дорогой мой, ты помнишь, сколько ты нам должен?

– Сколько? – лицо Артура приняло невинное выражение.

Женщина засмеялась – дерзко, беззастенчиво, будто она разговаривала сейчас не с воином, не с наследником, а с равным себе – крестьянином или даже с рабом.

– Артурчик, Артурчик, не строй из себя дурачка! Ты отлично знаешь, сколько. Но я тебе напомню: сто семнадцать с половиной трудодней. А это, ты сам понимаешь, милый, много, даже для царского сынка. Больше никакой любви в долг.

Олег, с трудом оторвав взгляд от женских ног, посмотрел на друга. «Ха, – подумалось ему, – трактирщику Гоги за подобное обращение кто-то обещал вставить меч в зад. А тут – никакой реакции».

– Да чё ты, мать, завелась, – заулыбался Артур. – Сто семнадцать так сто семнадцать. Я ведь не с пустыми руками пришел, – и с этими словами он бросил на стол мешочек, который оказался грязно-синего цвета.

– Ого, – почти пропела Алёна Первая, игриво качнув ногой. – Ну что ж... это другое дело.

– Как раз и долг покрою, и еще останется, ага? – Артур мотнул головой, из-под ресниц его блеснули лукавые искорки.

Алёна Первая снова засмеялась, но не так громко и дерзко, как в прошлый раз:

– А ты наглец, Артур, сын Антона! Твой мешочек я оценю в сто трудодней...

– Да ты чё, мать, минимум сто пятьдесят... – Артур изобразил возмущение, но было видно, что этот всплеск эмоций показной, и он вполне доволен предложенной ценой.

– Хорошо, сто де-сять, – по слогам, подавшись вперед и обнажив часть груди, повторила Алёна Первая.

Олег, видевший голой только свою покойную жену Карину, да и то в последнее время не так уж часто, от такой откровенной демонстрации пышных форм, впал в легкий ступор.

– Ну... – развел руками Артур, – сто десять так сто десять. Чего только не сделаешь ради твоей прекрасной... э-э-э... глаз...

Алёна Первая посерьезнела, протянула руку, и Артур отдал ей мешочек.

– Вы курить будете? – спросила она.

Олег хотел было отказаться, но язык прилип к небу, и он все также беззастенчиво пялился на Алёну Первую.

– Угу, – промычал довольный Артур.

– И развлекаться тоже будете?

– Угу, – снова ответил Артур.

– На всю оставшуюся ночь?

– Угу.

– По одной на каждого?

– Тебе сколько девок? – обратился Артур к Олегу.

Олег замотал головой, прокашлялся, потом попытался что-то сказать, потом снова прокашлялся и, наконец, еле-еле выдавил из себя:

– Не-не... нисколько...

– Нисколько или несколько? – переспросил Артур, но затем посмотрел на друга, махнул рукой и проговорил:

– Ему одну, а мне две.

Алёна Первая улыбнулась, искоса взглянув на Олега и отметив оттопыренную ткань на причинном месте, откинулась на спинку кресла, поправляя прическу.

– Итак, мешочек стоит сто десять трудодней, вы собираетесь курить, как я понимаю, из него же. Значит, минус пять. Три девочки на ночь – это еще минус девять. Итого остается девяносто шесть. Ты мне, Артурчик, должен еще двадцать один трудодень, – проговорила она голосом, не терпящим возражений.

У Олега от такой дороговизны услуг глаза чуть не полезли на лоб, но Артур довольно хлопнул себя по коленям:

– Ну, договорились.

– В таком случае, я вам, мальчики, настоятельно рекомендую душ, – Алёна Первая легко поднялась и направилась к выходу. – Потом приходите в гостиную. Вас будут ждать.

– Вода у тебя там хоть теплая? – уже вдогонку бросил Артур. – А то я намылся в интернете ледяной, больше не хочу...

Ответа не последовало.

* * *

Душевая в Доме Алён была устроена уже после Великого Коллапса, и ее конструкция отличалась простотой. С южной стороны на крышу пристройки поставили внушительных размеров бак-цистерну, выкрашенную в черный цвет, и в солнечные дни вода там неплохо нагревалась. Небольшая комнатка, три на три метра, не отапливалась, так что использовалась только летом, а для омовений зимой существовала настоящая баня.

Артур, как оказалось, неплохо ориентировался в доме.

– Значит так, сперва ты помоешься, а после я, – сказал он, распахивая дверь в торце коридора.

Три свечи, горящие в подсвечнике, который держал Артур, хорошо освещали отделанное белой плиткой помещение. Олег оставил одежду на лавке в коридорчике, зашел внутрь и с любопытством огляделся: он привык мыться возле колодца на заднем дворе своего дома, зачерпывая ковшиком из ведра, но здесь ничего подобного не наблюдалось. Прямо из потолка спускалась труба, притянута зажимом к стене, потом она делала плавный изгиб, на котором было врезано устройство, вроде небольшого колесика, и вновь устремлялась вверх. Непонятного вида раструб с дырочками, напоминавший носик лейки, было привинчен на конце. Также в дальнем углу душевой стояла полка, на которой лежала стопка полотенец и два куска мыла. Олег понюхал по очереди оба, но определить по специфическому и довольно неприятному запаху, где было оно произведено – в Золотой Косе либо в Малой Федоровке, у него не получилось.

– И где здесь вода?

Артур возвел глаза к небу, но сдержался и не сказал никакой гадости.

– Видишь, из трубы такая хрень торчит? Это называется кран. Поверни его... Мля! Да не в ту сторону... Во-во-во! Вода сверху пошла через сетку, видишь? Это и есть душ.

Олег, восхищенный хитроумным устройством, с полминуты недвижно постоял под теплыми струями, впитавшими в себя июльское солнце, а затем, принялся очень быстро намыливаться, потому что ему казалось – вода вот-вот закончится.

Затем юноши поменялись местами. В отличие от друга, Артур никуда не спешил, мылся обстоятельно, с неторопливой тщательностью.

– Слушай, я вот о чем тебя хотел спросить, а правда говорят, что ночью тут гораздо дороже, чем в рабочее время? – сказал Олег, которому уже надоело держать подсвечник.

– Да, днем дешевле, – согласился Артур, смывая с себя остатки мыльной пены. – Но ты как-нибудь статуй о путанах почитай. Там знаешь, сколько ограничений?! Никакой фантазии, никаких поз, вообще ничего не допускается. Проще бревно шпилить. А наши девки этим успешно пользуются: хочешь чего-нибудь эдакого – приходи ночью, но и плати, значит, больше.

Наконец, обернув бедра полотенцами, друзья подобрали снятую одежду и направились в гостиную.

В большой комнате, освещенной тремя потрескивающими канделябрами, их ожидали Алёна Первая и еще шесть одетых в длинные халаты женщин. Ухоженные, причесанные и покрашенные, они были разного возраста, комплекции, с разным цветом волос и глаз. Однако всех их объединяли улыбки, которые будто бы жили отдельно от лиц своих хозяек. Друзья сели, и Олег почувствовал себя очень неудобно, прижавшись голой спиной к мягкой спинке дивана.

– Кого-то из вас не хватает, – задумчиво протянул Артур.

– Яны нет, – ответила Алёна Первая, – у нее сегодня дни не те, и она дежурит в Доме детей.

– Ха, все время забываю, тут же ещё и дети рождаются, и дни не те бывают, – Артур потянулся к своим вещам, нащупал журнал с загадочным названием, вытянул его перед собой на уровне глаз, и с курьезной торжественностью проговорил:

– Ну-ка, девки, покажите чем богаты, буду вас с моей богиней сравнивать.

Женщины, без какого-либо стеснения, привычными жестами скинули халаты – все кроме Алёны Первой, которая вытянув вперед ноги, восседала в сторонке. От такого количества обнаженных тел у Олега зарябило в глазах, но если полчаса назад, находясь в одной комнате с молодой, но все ещё привлекательной хозяйкой, он ощущал невероятной силы возбуждение, то теперь стало ужасно неловко, даже потянуло убежать и больше никогда не возвращаться в этот дурацкий дом. Очень хотелось выглядеть таким же небрежным, бывалым, как Артур, оценивая достоинства девиц, но краска бросилась Олегу в лицо и он думал только об одном: заметили путаны его смущение или нет.

– Это, – наследник показал пальцем на темноволосую девицу, – Галина, это Татьяна Первая, это Татьяна Вторая, это Оля, а это Алёна Вторая и Алёна Третья.

В трепещущем свете свечей женщины казались нереально красивыми. Они все так же равнодушно улыбались, будто были по-прежнему одеты, переступали с ноги на ногу, поворачивались, нагибались и снова выпрямлялись, словно танцевали под неслышную музыку, демонстрируя плечи, груди, ягодицы...

– Вот, мля, – с напускным разочарованием пробормотал Артур, вперясь в журнал. – Богиня, моя бесценная прекрасная дама, всего одна такая на свете, а сношать приходится кого попало.

– Но-но, воин, не дерзи! – рыкнула Алёна Первая. Впрочем, неудовольствие ее было столь же наиграно, как и разочарование Артура.

– Ну, друг, тебе первому выбирать, – Артур совершил волнообразный пас кистью правой руки, – как младшему товарищу в любовных утехах.

Олегу показалось обидным это постоянное напоминание о возрасте, и, если честно, уже ничего и никого не хотелось, обнаженных фурий оказалось внезапно слишком много, а заметной разницы между ними не было. И он подумал: с кем ни уединись, наслаждения не будет, а лишь одно сплошное неудобство, но, разумеется, отступать было совершенно невозможно, поэтому Олег наугад ткнул пальцем в крайнюю фигуру.

– Алёна Третья, хороший выбор, – прокомментировал Артур. – Ну а я, наверное, усну сегодня... э-э-э... между двух Татьян.

Женщины надели халаты, потом выбранные подошли к хозяйке, которая дала им по зажженной свечке и маленькие свертки. Та, что предназначалась Олегу подошла и протянула руку:

– Идем, – сказала она просто.

Олег, спрашивая себя «за каким чертом я пошел сюда?», поплелся вслед, удивляясь величине дома: по длинному коридору они сворачивали раза три или четыре: сперва направо, потом

опять направо, а затем налево... В душевной комнате было мало мебели: широкий топчан да маленький столик с пятирожковым канделябром.

– Совсем дышать нечем, такая жара была днем. Я бы открыла окно, но, боюсь, налетят комары, а они очень больно кусаются, – сказала Алёна Третья. – Странное дело, весной и в начале лета их почему-то не бывает, а в сентябре от них просто нет спасения.

Слушать ее голос, ровный, убаюкивающий, было очень успокаивающе. Слова своим размеренным ритмом напоминали удары волн о песчаный берег Миуса.

– Но ведь сейчас не сентябрь, – произнес Олег тихо.

– Не сентябрь, – легко согласилась она, – но комары уже появились.

Женщина подошла к нему, точным движением руки сдернула с него полотенце, а через мгновение на пол соскользнул ее халат. Алёна была на полголовы ниже Олега, ее волосы, кажется, темно-русые (в полутьме юноша не мог понять, какого они цвета), спадали на округлые плечи. Она улыбалась призывно, многообещающе и Олег вдруг некстати подумал, что покойная жена очень смущалась своих кривых зубов и потому была не улыбочивой. Он вообще не помнил – смеялась ли Карина хоть когда-нибудь?

Но оказавшись в таком месте, надо было что-то делать, и взглянув на Алёну Третью со странной отрешенностью: без восхищения, без желания, без любопытства, он ладонью коснулся ее груди, которая оказалась полной, теплой и очень приятной на ощупь. С губ путанки сорвалось легкое постанывание, она прижалась к Олегу, ее дыхание щекотной лаской коснулось кожи, и, со все возрастающей горячностью, зашептала:

– От тебя пахнет настоящим мужчиной. Никто во всем Лакедемоне не пахнет, как пахнешь ты! Я так давно ждала тебя, каждый день надеялась, что придешь... и вот, слава богам, наконец, ты со мной!

Жена Олега никогда ничего подобного не говорила, и, услышав такое признание от совершенно незнакомой женщины, он сначала удивился, но чувствуя, что должен как-то соответствовать образу «настоящего мужчины», поцеловал Алёну Третью в губы. Она, прикрыв глаза, учащенно задышала, ответила поцелуем в шею, потом коснулась языком соска юноши – нежно, трепетно – и продолжила целовать его все ниже, а потом опустилась на колени, облизала пупок и ее губы легко заскользили по влажной коже. Олегу было очень приятно, но брезгливая мысль, что путана говорила и делала все то же самое и с Артуром, и со многими другими, мешала полностью отдаться ласкам.

Покойная Карина очень редко его целовала, (а уж так, как эта женщина – вообще никогда), в минуты близости жена была скованной (может быть, стеснялась своей юной неопытностью), и, хотя вроде бы не пряталась явно, однако избегала мужа. Впрочем, Олег тоже мгновенно забывал о ней, стоило только выйти за дверь, ведь жизнь воина требовала суровой сосредоточенности и полной самоотдачи, а сейчас он впервые задал себе вопрос: может быть, Карина любила кто-то другого? Теперь уже не узнаешь... Юноша будто смотрел на себя со стороны – что смог дать он своей жене? Неуклюжее безрадостное супружество, беременность и смерть... Но погибни он в бою, его юной вдове через пару месяцев нашли бы другого мужа. Стала бы она хоть когда-нибудь вспоминать о первом, сравнивать с новым? А вот теперь она умерла, и не прошло еще и недели, как он сравнивает Карину, но не с новой женой, а со шлюхой...

Олег наклонился, обхватил Алёну Третью за плечи, резко поднял и отстранился. Женщина посмотрела с недоумением.

– Что такое, милый? – спросила она то ли обиженно, то ли растерянно. – Я тебе не нравлюсь?

– Не нравишься.

– Я, по-твоему, некрасивая? – обида и растерянность исчезли из голоса путаны, но появилась неприкрытая озабоченность.

– Нет, ты красивая, – юноша сел на топчан.

– Тогда в чем дело? – Алёна Третья снова говорила мягко, ровно и убаюкивающе. – Я сделала что-то неправильно?

– Просто я тебя не хочу... – злясь на себя, Олег отвернул голову, чтобы не пересечься с ней взглядом.

Дом Алён был запретно-манящим местом, мальчишкой он столько раз представлял себе, как приходит сюда, и вот сейчас, когда это случилось, ничего кроме досады не было.

– Бедный мой мальчик, – Алёна Третья села Олегу на колени, провела рукой по коротким волосам и поцеловала в лоб, – тебя что-то тревожит, мой отважный воин? Расскажи мне, расскажи все, что у тебя на душе. Расскажи, не таясь, я смогу принять всю твою боль, всю без остатка...

Олег внезапно вскочил, отчего Алёна Третья свалилась на пол. Он поднял кулак, лицо его исказила гримаса ярости.

– Как, ты, тупая телка, – зашипел он точно раненная в самое сердце азовская гидра, – можешь принять всю мою боль, если ее не смогли поглотить даже священные воды Миуса!

Сейчас он очень хотел ее ударить... Со всего размаха, не щадя кулака... Чтобы она завизжала, как сучка, которую ошпарили кипятком, чтобы она взвыла... Может, хоть так удалось бы сорвать на ком-то свое смятение, которое лишало жизнь привычной жесткой четкости, вырваться из замкнутого круга, где обязанность замыкается на почетном праве, а почетное право – на обязанности. Но, конечно же, шлюшка была тут совершенно ни при чем, она делала то, что должна была делать, старалась угодить, и бить ее не было никакого смысла.

Алёна Третья испуганно глядела на взбешенного парня, который, подняв кулак, разбрызгивая слюну, выпускал гортанно-шипящие звуки. А потом он вдруг опустился на топчан, обнял голову руками и в таком положении замер. Путана поднялась, потерла ушибленную голень, подумав, что завтра там будет огромный синяк, подобрала с пола халат и накинула на плечи.

– Ты прав, воин, – больше она не улыбалась, голос ее стал глухим, а взгляд колючим. – Я всего лишь тупая шлюха. И никогда чужую боль я не принимала как свою. Я умею принимать в себя только чужое семя. Но твой друг заплатил за эту ночь, и я обязана тебя развлекать. Я не смогла разрядить твою плоть, я не сумела облегчить твою душу... что же остается делать? Скажи мне!

Олег вскинул голову, взглянул на путану затравленно, с отчаянием.

– Сколько ты родила детей? – вдруг спросил он.

Олег протянул руку и коснулся ее живота. Алёна Третья непонимающе качнула головой, потом сделала шаг назад.

– Трех, – голос женщины дрогнул. – Двух мальчиков и одну девочку.

– И все здоровы, без отклонений?

– Да... то есть, нет, – сказала Алёна. – Младший умер в трехмесячном возрасте, но двое других здоровы.

Олег притянул женщину к себе, поцеловал кожу живота, где ее избороздили тонкие линии растяжек, и тихо, почти одними только губами прошептал:

– Счастливая ты...

Странная горечь подступила к горлу Алёны. Она опустилась на топчан, прижалась к юноше, обняла его и долго-долго почти по-матерински гладила по коротко стриженному затылку. Может быть, прошло полчаса, а может быть, и целый час, Олег потерял счет времени, он не ощущал рук женщины, будто ее и вовсе не было здесь. Он смотрел невидящим взором в один из темных углов маленькой душной комнатки, словно сейчас сидел не на жестком топчане, а стоял на возвышенности и созерцал безмятежность Миуса.

– Я ничем не могу тебе помочь, – сказала наконец Алёна, поднимаясь. – Я не ведаю ответов на твои вопросы, я не знаю лекарств от ран на твоём сердце. Я просто тупая шлюха. Но, может, это даст тебе какое-то облегчение.

Подойдя к столику, гетера достала из-под него бутылку странного вида, оплетенную трубками. Откуда-то в ее руках появилась мелкая сеточка, на которую она бросила щепотку сухих листьев из свертка, полученного от Алёны Первой.

– Что это? – спросил Олег.

– То, что дает отдых от обид, – женщина взяла одну из свечей, поднесла к горлышку бутылки, обхватила губами трубку. Послышались булькающие глухие звуки, в воздухе разнесся необычный, немного терпкий запах горелого. – Вдыхай в себя.

Алёна протянула бутылку Олегу, и когда он вдохнул дым, горло зажглось неистовым пламенем, будто в него заползла целая сотня жгучих многоножек.

– Держи дым в себе, как можно дольше, – тихо произнесла Алёна, откинув голову.

Олег пытался делать так, как подсказывала ему путана, но не выдержал и надрывно раскашлялся.

– Ничего, – Алёна забрала бутылку, затянулась, выдохнула, потом снова отдала ее юноше. – Пробуй еще...

Олег заглотнул новую порцию дыма.

Алёна, склонив голову набок, вяло улыбнулась, погладила виски юноши.

Вскоре вся трава выгорела, и они просто сидели – расслабленные, отрешенные, улыбающиеся, бездумно глядя в темноту.

* * *

Олег проснулся оттого, что упал с топчана на пол. Алёна Третья мирно посапывала возле стенки. Было еще темно, но рассвет неотвратимо приближался. Он чувствовал, как кровавое солнце мчится на всех парах, чтобы в триллионный раз взойти над горизонтом и увидеть среди прочего, как отец задушит беспомощного ребенка.

«Нет, нет, не в этот раз... – бормотал Олег, быстро одеваясь и стараясь не задеть что-нибудь. – Я этого не сделаю, и никто этого не сделает».

Как молния пронесся он по темным коридорам, расположение которых непостижимым образом отпечаталось в памяти, и выскочил на улицу. Ночной воздух ударил в нос пронзительной свежестью, но легче не стало, наоборот, юношу стошнило: вчерашнее вино, шашлыки, салат, все то, что считалось деликатесом, спустя несколько часов вдруг оказалось ядом более страшным, чем радиоактивные воды Азовского моря. «Единственный выход – бежать. Забрать дочь и исчезнуть, будто нас здесь никогда и не было... Бежать! Но куда?...» – спросил он себя, вытираясь рукавом.

На ум пришел вчерашний разговор с Артуром. Таганрог! Там, в заброшенном городе вроде бы живут мутанты, выродки, твари, которых Лакедемонская Полития убивает в младенчестве. Да, он пойдет на восток в радиоактивный город, и найдет этих загадочных обитателей Таганрога. Он отдаст им на воспитание свою дочь, а потом будь что будет...

Олег побежал по безлюдным улицам к своему дому. Главное – успеть! До рассвета осталось совсем немного. А с первыми лучами солнца покинуть Лакедемон незаметно и думать нечего. Жаль, как жаль, что он потерял столько времени в кабаке, а потом у путан, а еще зачем-то сдал свою «Сайгу» на хранение в Арсенал. Сейчас бы забрать ее... Но это вызовет подозрение, поэтому придется довольствоваться шашкой. Заскочив в дом, Олег кликнул Лизу, старую рабыню, которую он арендовал у Общины, с того времени, как беременность жены перевалила за седьмой месяц. Старуха в ночной сорочке, заспанная, с распущенными космами седых волос, охая и часто моргая выскочила со свечкой навстречу хозяину.

– Ну, что ты стоишь, я ухожу на задание, – скороговоркой выпалил Олег. – Собери два куска вяленой свинины и бурдюк с водой. Только быстро, быстро, быстро!!!

Лиза тут же, совсем не по-старчески, сорвалась с места. А Олег побежал в свою комнату за стилетом, тройником с веревкой и черно-серой плащ-накидкой. Собираясь, он надеялся, что рабыня не свяжет этот неожиданный рейд с девочкой и потому не станет поднимать тревоги. Ведь за проявленную догадливость старуха могла получить большую награду – кто знает, возможно перевод в более высокий ранг... Конечно, правильнее было бы связать ее, просто на всякий случай, но терять времени нельзя, а убить – рука не поднималась.

Когда юноша выскочил в прихожую, Лиза уже стояла с готовым вещмешком. Он вырвал лямку из морщинистых рук и развернулся к двери: следовало поторопиться в карантин, где сейчас держали его дочь.

– Господин, я налила в бутылочку разбавленное коровье молоко и положила четыре пеленки...

Олег резко развернулся к старухе:

– Откуда ты знаешь...

– Знаю, знаю, – закивала Лиза. – Я ведь видела, как вы себе места не находили, даже во сне разговаривали... Храни вас Бог! Малышку кормить надо каждые три часа и белье менять не забывают. И берите ее обязательно под головку.

Олег заглянул в глаза старухе и выдохнул:

– Спасибо тебе.

Впервые в жизни он говорил слова благодарности кому-либо из рабов.

– И вот еще, возьмите, – Лиза протянула потертую бело-сиреневую бумажку.

– Что это? – Олег недоуменно уставился на странный подарок.

– Это пятьсот рублей вам на удачу. До Великого Коллапса они были чем-то вроде наших трудодней. Вам ведь только в Таганрог бежать, больше некуда, – заговорила рабыня торопливо, тыча пальцем в картинку. – Когда дойдете до города, найдите площадь, где стоит этот памятник, посмотрите, там мой дом кирпичный, в четыре этажа. Квартира двенадцать... ключ под половиком лежит, сможете спрятаться на первое время, а в кладовой найдете мед и консервы... я ведь до Коллапса не была рабыней, и жила не в Лакедемоновке, а в Таганроге, в библиотеке имени Чехова работала. Но мой господин, наверное, не знает, кто такой Чехов...

– Хорошо, хорошо, я найду твой дом, Лиза, но сейчас пойдем-ка, попробуем тебя представить Серому, – проговорил Олег, придерживая ее за локоть. – Да не бойся, я же с тобой буду...

– Ох, хозяин, он же меня разорвет... – слабо запротестовала старуха, тем не менее покорно переставляя ноги в направлении заднего двора.

– Ничего не бойся, Серый, хоть и зверь, но умный, думаю, что вообще умнее многих людей, он поймет, что не могу его сейчас с собой взять, но не хочу, чтобы он от голода умер.

Едва они вышли в темный двор, как раздалось тихое поскуливание – так Серый всегда встречал хозяина, – быстро перешедшее в предупреждающее рычание, становившееся громче, по мере продвижения чужака по территории, которую зверь считал своей. Лиза чуть было не вырвала дрожащую от страха руку, и Олегу пришлось тащить женщину силком.

– Тихо, Серый, молчи, – прошептал юноша, с бесконечной радостью отмечая свою власть над ним, так как теперь слышалось лишь громкое сопение и шорох песка под ногами...

Пока они продвигались еще на три-четыре метра ближе, в памяти юноши снова засверкал яркий солнечный день, в который был найден Серый.

Он провалился в замаскированную яму-ловушку, утыканную заостренными кольями, что в изобилии были устроены на подступах к Лакедемону. Неизвестно сколько времени провел там зверь, однако, когда Олег обнаружил его, пленник совершенно обессилел от кровопотери, жажды и голода. Слипшаяся в колтуны серая шерсть, набитая песком и сухими листьями, мутная пленка, затянувшая глаза и едва слышное дыхание, слишком ясно говорили о скорой смерти хищника.

– Зачем ты притащил эту падаль? – возмутился Анатолий, с которым Олег столкнулся у ворот. – Ее даже на шкуру пустить нельзя.

– Мое дело, – огрызнулся юноша, а про себя добавил: «Я его вылечу, тебе назло!»

Как ни странно, вопреки всем прогнозам, дикий пес, больше похожий на волка, не издох. Достаточно медленно, но заметно он пошел на поправку, подпуская к себе только Олега и принимая только ту пищу и воду, что приносил его спаситель. Зверь часами лежал в тени сарая, наблюдая, как человек занимается упражнениями, обливается холодной водой из колодца или чистит оружие. Кстати, развеска выстиранного белья тоже теперь досталась Олегу, потому что ни Карина, ни тем более кто-то из рабов не рисковали больше выходить на задний двор.

Юноша мечтал превратить Серого в настоящего боевого друга, поэтому выспрашивал у стариков любые сведения о воспитании и обучении собак, но кроме обрывочных историй про команды «фас-рядом-сидеть-лежать-голос» четких представлений о том, что же надо делать, так и не получил. К тому же все как один сходились на том, что воспитывать собаку надо со щенячьего возраста, а Серый под определение «щенок» никак не подходил.

– Тебе бы пособие по служебному собаководству, племянник... Но где ж его нынче взять? А я, увы, кинологией никогда не увлекался... – развел руками дядя Роман.

Однако, как скоро выяснилось, пса ничему учить было не нужно. В тот день юноша как раз растирался после умывания, когда во дворе появился Артур. Дурачась, он наградил друга тумакон, Олег ответил, и завязалась шуточная потасовка. Неожидавшая реакция Серого испугала поначалу даже его хозяина: сделав огромный прыжок, пес оказался около молодых людей, злобно оскалив похожие на небольшие кинжалы клыки и грозно зарычал, оттесняя опешившего Артура к дому. Олег не сомневался: скажи он хоть слово – и Серый бросится в атаку.

Второй случай был еще более наглядным: тот же Артур, в приступе веселья, схватил пашку Олега и начал бегать по дому, опрокидывая мебель, а потом выскочил во двор, угрожая бросить клинок в колодец. Олег уже настроился на долгую игру в догонялки; он страшно раздражался, когда на друга налетала подобная блажь, но поскольку Артур был превосходным бегуном, догнать и отобрать что-либо удавалось редко, а колодец давал еще и дополнительную фору.

Вот тут Серый показал себя во всем блеске: он молнией метнулся наперерез обидчику и схватил его за ногу. Когда Олег подбежал, чтобы оттащить пса, тот не разжал зубов, пока Артур не бросил на землю «похищенный» клинок.

– Олечка, ты лучше сейчас пристрели эту тварь, когда-нибудь он тебя загрызет! – проговорил Артур, потирая лодыжку, на которой остались явственные кровоподтеки от зубов. – Смотри, мразь, он мне новые штаны продырявил, хорошо хоть кожу не прокусил! – молодой человек погрозил кулаком в сторону Серого, который явно с чувством выполненного долга, лениво улегся на привычное место возле сарая.

После этого Олег задумался, кого же он вытащил из ямы-ловушки, и стал заниматься с собакой по собственному разумению. Понятливость питомца и то, с какой охотой он ползал, прыгал, садился и ложился вместе с наставником, вдохновляли на новые эксперименты, и вскоре Серый уже не только выполнял голосовые команды, но и делал все, что требовал хозяин, подчиняясь жесту или щелчку пальцами. Несомненно, в будущих боях и разведках он мог проявить себя самым достойным образом. Олег даже слегка огорчился, что не додумался дать Серому какое-нибудь более звучное имя, подходящее для бойца.

Холодный нос ткнулся юноше в руку и мягкий язык облизал ладонь.

– Слушай внимательно, Серый! Мне надо уходить. Насовсем. Я не могу тебя взять сейчас, мы не перелезем через стену, она слишком высокая и охраняется. Был бы ты маленьким ребенком, другое дело, но ты ведь большой, ты очень большой пес... Так что Лиза будет тебя кормить, понял? – Олег встал на одно колено и потрепал пса за лохматое ухо. – Не вздумай

ее укусить! А я приду за тобой, как только смогу! Лиза, возьми его миску с водой, и держи в руках, да наклонись же...

Старуха исполнила приказание, каждую секунду ожидая, что останется, как минимум, без пальцев, однако пес не сделал ни одной агрессивной попытки.

– Давай теперь, пей! – юноша подтолкнул непокорную голову к миске и успокоился только когда Серый нехотя стал лакать. – Я же говорил, Лиза, что он умнее людей! Как только представится случай, попробуй выйти с ним за ворота, а там отпусти, может, он меня найдет...

Еще раз обняв пса на прощание, Олег заторопился к дому.

В прихожей он закинул на плечо рюкзак, приоткрыл дверь, осторожно выглянул на улицу и прислушался к тишине.

Он хотел еще что-то сказать, но понимая, что время безвозвратно уходит, обнял старуху и прошептал:

– Благодарю, Лиза... Иди, ложись и скажи, что ты меня не видела. Надеюсь, что тебя не накажут.

Никто из хозяев Лакедемона никогда не обнимал ее. Старуха засопела, слезы наполнили уставшие глаза и потекли по морщинистым щекам.

– Я вынесу любое наказание...

Но юноша этого уже не слышал. Он мчался что есть мочи по улице, и единственная мысль, что занимала его в это мгновение – как бы не нарваться на патруль. Спустя несколько минут он оказался возле здания карантина и толкнул незапертую дверь. Бесшумно Олег прокрался к караулке, где по всем прикидкам должна была быть девочка и дежурный.

Интуиция не обманула: в помещении, освещаемом едва горящим ночником, развалившись на кровати храпел тридцатисемилетний бородач по имени Яков Кувагия, а на полу, метрах в трех от кровати, стоял металлический таз, в котором лежал ребенок. Олег притаился: старейшина должен быть вооружен пистолетом и обязательно иметь при себе тесак или хотя бы стилет. Но раз стражник беспечно спит, значит, убрать нерадивого воина не составит особого труда.

Юноша застыл в нерешительности: сейчас решалась судьба его и этого маленького ребенка с кошачьими зрачками. Надо лишь ступить через порог, за черту, после которой не будет возврата. На какой-то миг Олег вдруг засомневался: сможет ли он убить человека, которого хорошо знал? Чепуха! Конечно, сможет. Он ведь уже убивал однажды. Три года назад. А старейшины говорили, что пройдя через обряд, воин переступает грань, возведенную из страха перед кровью себе подобных. Значит, вперед.

Обнажив стилет, Олег шагнул в комнату.

Глава 4

Что же, лети, мотылёк. Попытайся успеть до рассвета!

Олег медленно крался в темноте. Пот, ледяной и обжигающий одновременно, стекал липкими каплями по лбу, по занемевшей шее, по напряженной спине. Юноша передвигался почти бесшумно, но ему чудилось, что шарканье берцов перекрывало громоподобный храп бородача Якова. Он остановился возле кровати, сжимая в правой руке стилет. Теперь нужно просто ударить... пожалуй, лучше чуть ниже уха...

Старейшины ошибались. Убивая в первый раз, не переступаешь грань, но становишься на нее, зависаешь над пропастью, оказываешься перед выбором: идти дальше, хладнокровно истребляя своих недругов, оставляя за собой трупы, или отступить, раскаяться и больше никогда не совершать того, что сделал. Ты переходишь черту не тогда, когда убил впервые, а когда снова повторяешь свой кровавый опыт.

Олег застыл в нерешительности... а может, просто забрать девочку и уйти? Но вдруг она заплачет? Дети ведь плачут, в отличие от настоящих воинов... Тогда придется драться, а это лишний шум... Нет, нельзя рисковать. И вот еще: унести ребенка из-под носа и оставить в живых часового – это несмываемый позор, бесчестье, которое будет во много раз хуже смерти, так что, наверняка, сам Яков выбрал бы стилет... там, где челюсть подходит к уху... или чуть ниже...

Юноша подобрался, приготовившись к броску...

Нет! Даже если уже стал преступником, так поступать нельзя. Яков – старый воин. Девять или десять лет назад, во время Второго Новоазовского похода, он один уничтожил в рукопашном бою толпу выроdkов рода человеческого – про это знал каждый малолетний сопляк в интернате, ведь больше половины уроков посвящалось истории Лакедемона после Великого Коллапса. Так что нельзя убить живую легенду во сне, это недостойно. Даже рабов будят перед тем, как зарезать во время обрядов.

Олег перестал дышать.

– Доблесть и сила! – прохрипел он.

– А!.. – Яков резко сел. – Что?...

Яков не успел ничего понять, но рука его на автомате схватилась за рукоять тесака, а тело рванулось с кровати, но было поздно. В глазах Олега побагровело: кровь ударила в голову. Он метнулся к часовому, пальцами левой руки впился в губы бородача, отворачивая голову, одновременно нанося удар правой. Стилет легко, без сопротивления, по самую крестовину вошел туда, куда и целился – в район сочленения, чуть ниже уха. А в следующую секунду, заваливаясь на кровать вместе с грузным телом, убийца выдернул свое оружие и воткнул его под ребра.

Вот и все. Воин-легенда Яков Кувагия мертв. Олег, тяжело дыша, вытер клинок о покрывало, снял с трупа кобуру с «Макаром», и хотел было забрать тесак, но раздумал: во-первых, пашка самого Олега была куда лучше, а во-вторых, это ведь личное оружие Якова, так что пусть останется при хозяине. Юноша вытащил из ножен клинок, который покойник так и не успел обнажить, и вложил рукоять в еще теплую ладонь: воин должен умирать с оружием в руках.

– Да восславят тебя вечные воды Миуса, – прошептал он.

Потом Олег наклонился к тазу. В нем, свернувшись причудливым калачиком, среди отвратительно пахнущего тряпья, спала его девочка... совсем крохотная... с торчащими клочками темных волосенок на маленькой голове. Олег вспомнил, что у него в вещмешке есть пеленки, достал одну и расстелил на полу. Затем потянулся к младенцу, но в самое последнее

мгновение, когда окровавленные пальцы должны были коснуться ребенка, отдернул трясущиеся руки. Взять это человеческое существо оказалось гораздо труднее, чем заколоть воина-легенду. Может, он так и стоял бы в нерешительности, да время не ждало. За окном начинало светлеть. Больно, до крови закусив губу и громко сопя, юноша взял-таки на руки крошечное тельце. Девочка дернула ножкой, но не проснулась. «О вечные воды Миуса! Кто бы меня еще научил, как надо пеленать детей!», – промелькнуло в голове Олега.

Несколько минут спустя юноша накинуд на себя черный с серыми разводами плащ, скрывающий левую руку с нелепым свертком, и побежал в направлении главных ворот. Тянуло предутренней сыростью, и хотя ночь все еще властвовала на улицах Лакедемона, небо на востоке едва заметно порозовело.

«Не успеваю... Не успеваю!!!» – билась в голове отчаянная мысль. Но Олег со злобой прогнал ее. Удары сердца болезненно отдавались в висках. Есть еще надежда! Есть! Сегодня на седьмом посту должен дежурить Петька, которого всегда ставят на замену... Шестнадцатилетний молокосос. Совсем зеленый, необстрелянный юнец... впрочем, своего раба он уже прикончил. Значит, как и любой мужчина, если и не переступил черту, то уж точно стоит на грани. Но это не меняло дела. Петр был жутким растяпой, сочинителем стихов о любви к отчизне. Это его зачастую и спасало от конкретной взбучки за нарушения устава. Заснул на посту, что случилось с ним постоянно, тут же сочинил стишок – и вроде как погасил строгащ... Здесь и была лазейка: Олег надеялся оглушить спящего дозорного, связать... ну а там как боги решат.

Беглец миновал последний проулок и оказался перед укреплениями, на открытой полосе, засаженной капустой. Впереди, в пятидесяти шагах проглядывали ажурные контуры сторожевой вышки, а от нее – влево и вправо – расходился четырехметровый частокол. Стало еще светлее, чудилось, вот-вот из-за горизонта должен показаться край солнечного диска. Олег, стараясь не шуметь, быстрым шагом направился к своей цели. Проклятые кочаны то и дело попадались под ноги, ступни оскальзывались на тугих кругляшах, сбивая листья, которые ломались со свежим хрустом.

«Может, спит?» – он с надеждой посмотрел вверх. Нет. Там кто-то шевелился, но не осознавал приближения опасности, не понимал, что врага нужно высматривать с внутренней стороны.

Вот дозорный поднялся и начал медленно-медленно поворачиваться в сторону Олега. Видимо, все-таки что-то услышал, или просто надоело смотреть в одну сторону. Так или иначе, беглец отчетливо осознал, что в любом случае, даже если он рванет что есть мочи, не сможет приблизиться на расстояние вытянутой руки, потому что пробежать эти невероятно длинные десять метров, а потом еще пятнадцать ступеней по лестнице, было попросту невозможно. Нет... за это время успеет среагировать любой безмозглый сопляк, даже такой, как поэт-недопепа Петр. Не из «Макарова» же в него палить? Тогда уж точно на шум сбежится пол-Лакедемона. Отчаяние стало подниматься в душе Олега, и вдруг, словно щелкнул выключатель – все мысли погасли, и какая-то древняя часть души, коварная, до поры таящаяся на дне, перехватила власть, оттеснив разум в сторону.

– Петя! Пе-е-тя! – нарочито громкий шепот, привлек внимание дозорного.

Плечи юного стражника дрогнули, он недоуменно помотал головой. Наконец, увидел-таки внизу, почти уже возле вышки своего старшего товарища по интернату Олега, сына Виктора, с каким-то свертком в руке.

– Что? – дозорный часто заморгал, лицо его, конопатое, совсем еще детское, расплылось в улыбке. – Это... ты?

– Я, кто же еще... – нога беглеца коснулась первой ступеньки лестницы, – у меня к тебе дело.

– Но... – Петя нахмурился, будто вспоминая что-то очень важное. – Тебе сюда нельзя. До смены еще два часа, наверное...

– Да говорю же, у меня к тебе дело, – Олег преодолевал ступеньку за ступенькой, не отводя пристального взгляда от дозорного.

– Стой! – взвизгнул стражник, направляя АК74 на своего товарища.

– Ты... что, Петя? – Олег на секунду замер, а потом сделал шаг. – У меня ведь горе, понимаешь, – еще один шаг. – У меня жена умерла, Карина, – и еще шаг. – Моя Карина... ты же поэт, ты должен понять. А я хотел бы, чтобы ты сочинил в память о ней хороший, очень хороший стих. Как ты это умеешь.

Дозорный в замешательстве опустил автомат.

– Да... я могу, – сказал он. – А что у тебя в руках?

– А это... подарок... тебе, Петя... подарок, – губы беглеца механически произносили эти слова, а тело продолжало преодолевать ступеньки, и вот он уже в каком-то метре от стражника. – Заочно, за труды, за то, что ты такой талантливый поэт и мужественный воин.

– Скажешь тоже... – юнец зарделся, отступив на шаг и пропуская на вышку Олега. – А что там внутри?

– Сейчас увидишь, – Олег положил «подарок» на деревянный настил, выпрямился в полный рост.

И вдруг сверток шевельнулся, издав неясный звук. Разум Олега завизжал в ужасе: «Нет! Не надо! Стой!!», – но левая рука, словно подчиняясь приказам извне, ухватила за подбородок дозорного, отогнула голову назад – блеснул клинок стилета, и стальное жало вошло в кадык незадачливого поэта.

Все произошло мгновенно.

– Прости, прости, я не хотел, Петя, прости меня, пожалуйста, – обнимая и усаживая умирающего на настил, шептал Олег дрожащими губами. – Прости, меня, Петя, прости, ты никогда не переступишь грань, ты останешься на ней вечно, а я... а мне уже все равно... но прости меня, Петя, прости меня, пожалуйста...

Однако руки споро обыскивали обмякшее тело юного поэта. В карманах убитого ничего не нашлось, кроме огрызка карандаша и криво исписанных листков пожелтевшей бумаги. Отдышавшись, убийца проверил боекомплект. Теперь у него был не только пистолет с восемью патронами, но и «калаш» с двумя полными рожками. Закрепив тройник на одном из деревянных брусьев, он посмотрел вниз: отлично, по веревке можно спуститься. Но как при этом удерживать ребенка? Недолго думая, Олег скинул с себя заляпанную кровью накидку, рассек ее надвое стилетом, выбрал более чистую часть, связал концы и закинул получившееся подобие люльки себе на шею. Затем, будто вспомнив о чем-то, закрыл веки мертвецу и прошептал:

– Да восславят тебя вечные воды Миуса.

И, будто откликаясь на его мантру, где-то вдали послышался удар гонга, а потом приглушенно неразборчивое:

– ...шествий!!!

Спустя несколько секунд донесся звук еще одного гонга, но он был громче, чем предыдущий, и крик:

– Шестой без происшествий!!!

«Переключка», – сообразил Олег. Взгляд отчаянно шарил по углам в поисках молоточка. Но растяпа-поэт куда-то его дел. Прошла секунда, долгая, мучительная, напряженная, а за ней потянулась вторая...

Необходимо было что-то предпринять, причем срочно. Уже почти светло, уже видны контуры соседних вышек. И если сейчас на нем закончится переключка, через пять минут здесь будет патруль. Юноша схватил автомат и ударил прикладом по металлическому блюдцу, прикрепленному стальной цепочкой к потолку. Раздался вибрирующий звон, а Олег во всю мощь заорал:

– Седьмой без происшествий!!!

– Восьмой без происшествий! – отозвались вдали.

Кустарник начинался за частоколом, но надо было преодолеть пустую полосу, метров в четыреста. Беглец, ухватившись за веревку, надежно привязанную к тройнику, принялся осторожно спускаться с внешней стороны изгороди.

Вскоре рабы из окрестных деревень погонят скот в поля, чуть позже пойдут земледельцы. Но они были не страшны Олегу, поскольку он собрался идти в Таганрог, по пустынному Мариупольскому шоссе.

Опасность исходила не от работников; а вот когда через полчаса, перед открытием главных ворот, произойдет очередная перекличка, седьмой пост не отзовется. Пять-семь минут – патруль будет на месте. Три минуты – общая тревога. Итого запас времени не больше чем три четверти часа. Потом, если быстро сообразят, что к чему и куда следует направиться, по следу сразу может пойти оперативная группа. Если нет – в погоню выйдут часа через два. Но главное, чтобы дозорные сейчас его не увидели. Восточная часть небосклона уже озарилась нежно-алым заревом. Со всех сторон доносился радостный птичий щебет. Вовсю горланили петухи, готовя жителей Лакедемона к пробуждению.

Олег бесшумно прыгнул на землю и, пригнувшись, ожидая в любой момент получить пулю в затылок, рванул к кустарнику. Глаза его то и дело косились вправо, в сторону восьмой вышки. Но повернуть голову и потерять драгоценную секунду он не смел. Сумерки рассеивались, стремительно отступали перед утром нового дня.

До кустов оставалось еще метров двести. Кто знает, быть может, прямо сейчас дозорный восьмого поста заметил темную фигуру, бегущую прочь от поселка. А кто там, на восьмом, сегодня? Леха, кажется... Алексей – не поэт, долго думать не будет, прицелится без всяких внутренних терзаний. Стреляет он первоклассно. До цели, правда, далековато, но если и не попадет, то тревогу поднимет, форы лишит.

Беглец споткнулся о бугорок и ноги заскользили по мокрой траве. Рука инстинктивно вскинулась, и автомат чуть не слетел с плеча. Спина выгнулась, корпус развернулся на пол-оборота, но Олег не упал, удержался, чудом сохранив равновесие, и лишь крепче прижал к груди драгоценную ношу – свою малышку.

До кустов оставалось метров семьдесят. Это немного, если, конечно, никто не держит тебя на мушке. А даже если и держит – все равно немного. Попасть с шестисот метров по движущейся цели в утреннем сумраке не так уж и легко. Почти невозможно.

Через несколько секунд беглец скрылся в зелени. Теперь заметить его никак не могли. Он остановился и отдышался, а потом заглянул в висящую на груди люльку. Глаза девочки были все так же плотно закрыты и она чуть-чуть прищмокивала губами.

«Голодная...» – подумал юноша, но мысль о кормлении ребенка его устрасила: он ведь никогда ничего подобного не делал. И в интернате такому не учили. За детьми ухаживать – это ведь не людей убивать... ново и непривычно.

Впрочем, теперь Олег наверняка знал: трудно – только во второй раз, когда ты повторяешь свой первый опыт. А в третий – это уже обычно.

– Выйду на Мариупольское шоссе и обязательно поедим, – пообещал он малышке.

Олег не без усилий пробирался сквозь кустарник, колкие ветви цеплялись за камуфляж, их приходилось отводить рукой, чтобы не оцарапали ребенка.

Наконец беглец вышел на открытую местность и оглянулся: небо на западе, все еще погруженное во тьму, сливалось с землей, и линия горизонта не просматривалась. Олегу подумалось, что можно бы пойти не в Таганрог, а в другую сторону, к Новоазовску, например. Эта дорога была вполне разведана. Все-таки туда совершили четыре военных похода. Вырезали почти всех выроdkов, остальных жителей угнали в рабы, некоторых, наиболее толковых, записали в крестьяне. Трактирщик Гоги, говорят, из Новоазовска. А еще ходят слухи, что

город теперь необитаем. Последний поход – Четвертый Легендарный – решил судьбу этого селения. И это как раз неплохо: войско туда не пошлют, поскольку делать там больше нечего. Вот только юноша понимал, что сам, в одиночку не сможет вырастить свою девочку. Не сумеет. Не приспособлен он к такому делу. Да к тому же, чтобы попасть в Новоазовск, нужно пересечь Миус. Но это возможно только по охраняемой дамбе и земляной насыпи, и, конечно, незаметно пробраться не получится. Раньше, говорят, мост был, но теперь он разрушен. И лодку негде достать, ведь в Лакедемоне мореплавание запрещено. А преодолеть Миус с девочкой на руках – самоубийство. Олег тяжело вздохнул, потом посмотрел на запад, где угрожающе темнел частокол Лакедемона. Вот и получается, что для него все дороги на Миусском полуострове ведут в Таганрог.

Выйдя на дорогу, покрытую разбитым асфальтом, Олег снял с шеи люльку, из вещмешка достал бутылочку и долго возился с соской, которая никак не хотела надеваться на узкое горлышко. Наконец, справившись и с этим, юноша пристроил малышку на коленях и смог приступить к кормлению.

Однако сколько он не тыкал соской в крошечный ротик, девочка не желала просыпаться и только пара капель на губах была то ли проглочена, то ли просто размазалась. Стало почти совсем светло, и Олег увидел, что кожа ребенка желтовато-серая, а на щеках ни тени румянца. Ему вдруг почудилось, что нет даже дыхания и он со страхом приложил ухо к маленькому животу: по счастью сердце ее билось хоть и тихо, но размеренно. Юноша коснулся крошечного носика малышки и тут же отдернул руку. Неужели и он когда-то был таким? Совсем маленьким, хрупким, беззащитным...

Олегу хотелось заплакать, в груди защемило, странная, непередаваемая печаль заполнила все его существо. Но войны не плачут. В последний раз такую слабость он позволил себе в восемь лет, когда умерла мать, за что был немедленно высмеян товарищами по интернату.

Далекий набат заставил беглеца прийти в себя. По перезвону он понял, что играет «тревога». Значит, на седьмом посту обнаружен труп. Может, уже нашли и Якова? Следовательно, догадались, вычислили преступника, и готовят группу, скоро пойдут по следу...

Он спешно кинул бурдюк и бутылочку в вещмешок, нацепил на шею люльку и поправил оружие. Нужно было идти, идти, не останавливаясь, идти, как можно быстрее. На восток. Навстречу солнцу. В Таганрог...

Глава 5

Нежные стихи стихи – начинается жёсткая проза

Артура разбудил колокольный звон. Юноша застонал, схватившись за висок: неприятно ныла голова и подташнивало. Ну, сколько раз он зарекался – после алкоголя не курить! Это ведь буквально убивает, проверено опытом, причем неоднократно. Вот сперва покурить, а потом выпить – так можно, но толку мало. В такой последовательности никакого кайфа, одно нейтрализует другое. Отсюда строгий вывод: удовольствия надо разделять.

Колокольный звон не унимался.

«Сдурели, что ли? Слишком рано для утреннего набата... или не рано? – подумал Артур, сглатывая горькую слюну. – Все одно, как стану царем, запрещу в колокола бить».

Наследник повернулся набок и наткнулся на что-то противно мягкое и теплое. С трудом разлепив правый глаз, Артур с удивлением увидел спящую женщину, которая показалась ему отвратительной в своей наготе. Он поморщился и повернулся на другой бок. Но там обнаружилась еще одна мерно похрапывающая «красавица», также не стесненная какими-либо одежками. Тут наследник, проведя рукой по бедрам, понял, что и сам абсолютно гол. После такого открытия внизу живота что-то зловеще заурчало, и юноша сообразил, что его не только тошнит: организм проснулся и взбунтовался, требуя немедленного и всестороннего очищения из всех отверстий. «Видимо, падла трактирщик все-таки добавляет в ломакинское вино беглецкое пойло, – пробилась злобная мысль. – Бляха-муха, как хочется в сортир, но не ползком же добираться?» Конечно, следовало незамедлительно встать с постели и дойти до уборной, да вот сделать это не было сил. Вероятно, он еще долго лежал бы, размышляя над непростой задачей, как опорожнить кишечник и мочевой пузырь не вставая с кровати, но тут в дверь решительно постучали.

– Алёна, курва! – с надрывом захрипел Артур. – Иди на хрен! Я же сказал, будить через час после набата.

В дверь снова постучали куда настойчивей.

– На хрен! – выдавил наследник. – На хрен!!!

Воцарилась тишина, но, спустя несколько секунд кто-то вошел в комнату. Артур мученически поморщился, застонал и сел на кровати.

– Алёна, мля, какая же ты все-таки тупорылая! Я же сказал, пошла на х... – наследник разлепил веки.

Это была совсем не Алёна. Перед юношей стоял одноглазый Анатолий Алфераки, начальник инструктор элитного отряда, одетый не как обычно: в камуфляж, но еще в каску, бронежилет и разгрузку, чем несказанно удивил юношу.

– Артур, одевайся, тебя срочно хочет видеть отец, наш царь Антон, – отчеканил он, в упор не замечая двух голых девок и кавардак, творившийся в комнате.

Юноша хотел было узнать, в чем дело, и зачем он понадобился в такую несусветную рань, и почему бате не спится, как всем нормальным людям, но глядя на сведенные брови и чересчур серьезное лицо Анатолия, решил лишних вопросов пока не задавать.

– Сейчас, – пробурчал наследник, – только в уборную сбегая.

* * *

Антон стоял у окна, сцепив руки за спиной. Раннее утро определенно не радовало. Произошло нечто невероятное, такое, чего за всю историю Лакедемона никогда не случалось: за периметр бежал воин. Не крестьянин. Не раб. А привилегированный гражданин. Сбежал не

из-за угрозы для жизни, или борьбы за власть, или бесчестья. Сбежал... Даже трудно сказать, из-за чего можно было решиться на такое.

Антон пытался подобрать точное слово. Он хмурился, шурился, всматривался вдаль, но никак не решался дать определение этому поступку.

Милосердие? Любовь? Безумие?

Что такое милосердие, царь не знал. Или, скорее, не понимал. Каждый поступок в его представлении оценивался адекватно совершенному действию. Где нужен кнут, там должен быть кнут. Где нужен пряник, там, соответственно, должен быть пряник. Разве он не голосовал за то, чтобы раба, убившего в одиночку птеродактиля, перевели в крестьяне? Голосовал. И поступил бы так снова. Потому что пастух заслужил это своим поступком. А что милосердие? Прощение без искупления, потакание человеческой слабости, бесхарактерности и безволию. Кого можно получить на выходе? Стадо безмозглых выроdkов, тупых недоносков, безответственных ублюдков. Уж сколько их развелось до того, как все покатилося в тартарары. Эти никчемные особи очень быстро разрушают общество изнутри. Как знать, может, именно из-за них случился Великий Коллапс? Милосердие было напрочь выкорчевано в общине Лакедемона, и Олега, родившегося уже после гибели старого мира, невозможно уличить в этом грехе, ибо о нем он ничего не знал.

Быть может, причиной стала любовь? Но к кому? К уродке, к неполноценной дочери? Антон не просто верил в любовь, а знал, что она существует. Но любовь не может возникать на пустом месте. Любовь нужно заслужить. Любил ли он кого-нибудь? Разумеется. Свою жену. Светлана, Верховная жрица Храма Славы, по прозвищу Лики оказалась единственной из женщин Лакедемона, которой позволили иметь почетное прозвище и дали право голоса в Совете. Светлана, его волчица, сумевшая убить лютоволка, хранительница заветов Общины, заслужила любовь и почитание. Она не просто была его второй половиной, а будто являлась им самим. И Антон оставался ей верен телом, сердцем, разумом. Но то взрослый человек. А что можно сказать о ребенке? Конечно, детей нужно оберегать в надежде, что из каждого вырастет достойный сын или дочь Великого Лакедемона, и тогда, в будущем, ребенок заслужит любовь. Но может ли получиться из существа, которое заведомо обречено на ущербность, хоть что-нибудь путное? Разве можно любить неполноценность? Наоборот, этого стоит стыдиться. Иначе общество заполнится выроdkами, не способными ни к какой организации. И произойдет окончательный коллапс. Так что, даже если какое-то подобие чувства и пробудилось в юнце, присущий нормальному человеку здравый смысл сумел бы преодолеть эту никчемную глупость.

Поэтому ни любви, ни милосердия Антон в поступках Олега не усмотрел, к тому же во вчерашнем разговоре парень выглядел совершенно адекватно. Был немногословен, спокоен, немного ошеломлен свалившейся на него честью, но эмоции сдержал... Значит, оставалось последнее: безумие. Он псих, вернее внезапно сошел с ума. Такое ведь тоже иногда случается. А как иначе? Потенциальный наследник, фактически будущий царь, бросает вдруг свою общину, свой дом, свой долг и убегает в неизвестность, убив при этом двух человек. Ну, разве не безумие?

Досадно. Что ж, нужно играть теми картами, которые выданы. И хоть утро не радовало царя, он вдруг узрел блестящую возможность получить из отвратнейшей ситуации немалую пользу для себя и своих планов.

В дверь постучали. Все также глядя в окно, Антон сказал:

– Да.

– Доблесть и сила! – В комнату вошел Артур, в сопровождении инструктора элитных воинов.

– Во имя победы... Анатолий, оставь меня, пожалуйста, наедине с моим сынулей.

Артуру не понравилось, что его называли «сынулей». Значит, батя был очень и очень раздосадован, а это не предвещало ничего хорошего. Инструктор вышел, негромко хлопнув дверью, и наследнику стало совсем не по себе.

Антон развернулся и оскалился:

– Ну, здравствуй, сынуля. Здравствуй, альфа-самец всея Лакедемона. Рассказывай, как время проводишь. С кем пьешь, с кем трахаешься. Твоему папке все интересно. Ну, что ты в дверях-то стоишь, подойди ближе, не стесняйся.

Артур сделал шаг, за ним второй, как бы в нерешительности остановился, и снова пошел к отцу.

– Батя, я ни хрена не понимаю, что тут за дерьмо случи... мля...

Договорить Артур не смог, поскольку получил увесистую пощечину (если такой удар вообще можно было назвать пощечиной), отчего свалился на табуретку, а с нее грохнулся на пол.

– Ты, паскуда, с кем разговариваешь, – взбеленился Антон. – С шалавой подзаборной или с повелителем Лакедемона? А? Кто тебя такой речи научил? Потаскухи?! Или рабы?!

Артур сел, потирая скулу, и мгновенно понял, что сейчас целесообразней быть почти-тельным сыном, нежели разнузданным наследником, после чего опустил глаза и тихо, с нотками раскаяния, произнес:

– Прости, отец, я виноват. Виноват перед тобой и Общиной. Это дела грешной и глупой молодости и...

– Хватит! – рявкнул Антон. – Знаю я твои угрызения совести! Стой молча и слушай. Говоришь только, когда я разрешу. Вчера ты сидел в кабаке с Олегом, потом вы пошли в бордель. Свидетели имеются, только попробуй отнекиваться. Что вы делали дальше?

– Ну... – Артур, блуждая взглядом по полу, пожал плечами. – Взяли по девушке... и... и... разошлись по комнатам...

– Угу, – царь посмотрел ему в лицо, потом перевел глаза на окно и снова тяжело уставился на сына. – Это все?

– Ну... да. А в чем дело-то?

– Здесь я спрашиваю! – рыкнул Антон. – А ты отвечаешь! Ничего подозрительного в своем собутыльнике ты не обнаружил? Что-то необычное в поведении было у него?

– Да... ну... – Артур задумался. – Был он немного грустный, а так, ничего такого.

– Поздравляю, сынуля, – Антон со всей силы приложил ладонью по спине Артура, отчего тот качнулся и непроизвольно сделал пару шагов вперед. – Ты умеешь найти достойную своего положения компанию: проститутки, алкаши и предатели.

– Какие предатели? – глаза наследника округлились, он все никак не мог понять, о чем идет речь.

– А такие! Твой дружок Олег выкрал свою уродку-дочь, убил Якова Кувагию, дозорного Петра и сбежал из Лакедемона. Скорее всего, в Таганрог...

– Не может этого... – Артур затряс головой, не постигая, как такой тихоня, как Олег, можно сказать молокосос, мог расправиться с Яковым?

– Молчать! – царь поднес кулак к носу сына. – Говоришь только, когда я тебя спрашиваю. Или, может, ты полагаешь, что имеешь право безнаказанно гадить где попало. Нет. Нет!!! – Антон разжал кулак и с силой ткнул пальцем в грудь сына. – Ты. Ты!!! Возглавишь карательный отряд и принесешь голову ублюдка к дверям Дворца Собраний. Это будет твоим искуплением и повышением. За этот доблестный поступок заменишь Якова. Мне нужны свои люди в Совете старейшин. Понял?

– Но мне двадцать лет, – Артура бросило в пот, – какой из меня старейшина, да и как я смогу... мы же с ним...

– Сможешь! – страшно гаркнул Антон. – Как мог бухать и с непотребными девками путаться, так и казнить предателя родины сможешь! Насчет возраста не беспокойся, сейчас такое время, что старейшиной может стать любой доблестный воин, заслуживший эту честь в бою. А сейчас слушай внимательно: ты пулей летишь в интернат и окунаешься в бочку с холодной водой, потому что от тебя разит дешевой брагой и потными шлюхами, приводишь себя в порядок и в Арсенал. Там получишь АКМ с четырьмя рожками и полную экипировку, включая противогаз, а также химзу. Может быть, вам придется войти в Таганрог, а там высокий фон. Потом бежишь к Дворцу Собраний. Там будет заседание Совета. На нем, кроме старейшин, разрешено присутствовать идущим в карательный поход. Даю тебе на всё про всё пятнадцать минут. Итак, сперва в интернат. Время пошло.

Артур сорвался с места и помчался во всю прыть исполнять приказание отца... Пожалуй, так он бегал впервые.

* * *

В четверть часа Артур не уложился, прошло целых двадцать две минуты, однако на заседание успел, хотя вошел последним. В зале присутствовали четырнадцать членов Совета, считая обоих царей. Кроме старейшин, как и говорил Антон, здесь были два гражданина: высокий со впалыми щеками и орлиным носом Григорий, а также один из лучших рукопашников Семен, по прозвищу Левша, потому что в совершенстве владел обеими руками. Члены Совета расположились в креслах вокруг большого овального стола, а остальные возле стенки на стульях. На лицах собравшихся читалось тщательно скрываемое ошеломление.

Первым взял слово Роман:

– Товарищи мои, друзья и сотрапезники, – царь почесал бородку и поджал губы. – С прискорбием заявляю о том, что мой бывший племянник, ибо я с негодованием отрекаюсь от этого родства, преступник Олег, недостойный называться чьим-то сыном, совершил страшное безумство, за которое одно наказание – смерть. Он бежал, убив двух доблестных воинов, которые пали, как и положено, с оружием в руках. Яков Кувагия, да восславят его священные воды Миуса, много лет был старейшиной, нашим коллегой. Для меня это вдвойне прискорбный факт. Я думаю, все мы согласимся с тем, что необходимо послать отряд для уничтожения проклятого ренегата.

Послышался тихий гул одобрения.

– Ставлю на голосование, – сказал Роман и сел.

Предложение было утверждено единогласно.

Следующим говорил царь Антон:

– С огромной долей вероятности преступник бежал на восток, потому что больше ему прятаться негде. Полагаю, с отрядом следует послать старейшину Николая. Он опытный воин, более того, на его счету тринадцать разведывательных походов в сторону Таганрога. А возглавит отряд пусть мой сын и наследник Артур, ибо его поведение, к великому сожалению, в последнее время не соответствует нашим светлым идеалам. Думаю, что поход повлияет на него положительно.

– Возражаю, – поднял два пальца вверх царь Роман. – Мы не можем рисковать жизнью единственного пока наследника Лакедемона. К тому же уважаемый и достопочтенный Николай ходил к окраинам Таганрога последний раз четыре с лишним года назад. Десять из тринадцати походов, как вы знаете, были совершены к военному аэродрому, с целью получения стратегически важных материалов, но никто не проникал в глубь города и не знает, что там творится. Более того, радиоактивный фон в городе хоть и не смертелен, но все же очень высок и может впоследствии отразиться на потомстве, а у нашего досточтимого наследника пока нет детей. Поэтому я решительно против того, чтобы Артур шел в этот поход.

Разумеется, царю Роману не было никакого дела до наследника и его потомства. Просто он хорошо понимал сложившуюся ситуацию. В случае удачи, а вероятнее всего, опытные воины сумеют догнать и покарать отступника, соправитель-конкурент Антон предложит своего сына кандидатом в Совет старейшин на Общем Собрании. И, безусловно, за Артура проголосует большинство полноправных граждан. Яков Кувагия, да восславят его вечные воды Миуса, был «нейтралом», не принадлежал ни к одной из политических группировок. Но если Артур войдет в Совет, то явные сторонники царя Антона будут иметь восемь из пятнадцати мест, а это означало – полный контроль над Советом. Тем более из-за бегства Олега позиция самого Романа сильно пошатнулась, и, конечно, решительное отречение от племянника не могло тут ничего поправить.

– В нашей Общине полноправных граждан все равны, – возразил Антон. – Мой сын не исключение: он такой же воин, как все остальные. Мне стыдно за его поступки, и я жажду увидеть, как ратный труд исправит его недостойное поведение, уничтожит в нем ничем не обоснованную безалаберность, ибо иногда мне кажется, что есть много других юношей, более достойных стать наследниками.

«Ну, батя, ну, мля, спасибо, – сглотнув ком, подумал Артур, – удружил!» Он тут же вскочил со стула, ударил в плечо кулаком и прокричал:

– Готов доказать преданность в бою!

– Тем более, – Антон одобрительно посмотрел на сына, – он сам рвется.

– И все-таки, наследник остается наследником. Рисковать зря незачем, – пытался настаивать Роман.

– Решим голосованием. Кто согласен, чтобы мой сын возглавил поход под присмотром нашего собрата старейшины Николая, – сказал Антон жестким тоном, в котором не было и намека на вопрос.

«За» проголосовали одиннадцать человек, «против» – три. Такого сокрушительного результата Роман не ожидал. Он понял, что проиграл, и что, вполне вероятно, в ближайшие несколько лет ему придется быть на вторых, если не на третьих ролях. Но царь, так же как и его соправитель, знал: играть приходится теми картами, которые сданы, ибо других нет, и уж в любом случае и при любом исходе нужно делать хорошую мину.

Роман улыбнулся, почесал бородку и почти равнодушно произнес:

– Что ж, решение Совета – это закон для всех.

Антон поднялся, осмотрел присутствующих торжествующим взглядом, будто заранее празднуя победу, и произнес, отчеканивая каждое слово:

– Сейчас Николай кратко расскажет нам, с какими трудностями и потенциальными опасностями может столкнуться отряд. Надеюсь, вы, собратья по оружию, понимаете, что сведения эти совершенно секретные и не подлежат разглашению.

«Ага, – поглаживая бородку, подумал Роман, – значит, кое-какими сведениями мы не соизволим делиться даже с представителями Совета». Однако вслух свое неудовольствие предпочел не высказывать.

– В таком случае, – Николай, абсолютно лысый мужчина среднего роста, приподнялся и развернул перед собой карту, его голос, будто навечно простуженный, царапал уши. – Подумаем, но недолго, куда нам выдвигаться, потому как время не ждет.

Все столпились вокруг, стараясь подобраться поближе и рассмотреть все получше.

– Вряд ли, – продолжил старейшина, – предатель пойдет в подконтрольные нам деревни, но разослать туда вестников, на всякий случай, надо. Хотя уверен, его целью будет Таганрог, где много домов и скрываться удобно. Пройти в город можно по северной дороге, вдоль лимана, либо по южной, по берегу моря. Наиболее вероятный путь – это Мариупольское шоссе. Оно безлюдно и относительно безопасно, по крайней мере, так может думать преступник.

Николай прочерчивал пальцем линии на карте, обводя кругами интересующие его области, но было видно, что ему хочется побыстрее закончить разговор и приступить к делу.

– Примерно в девяти километрах находится заброшенное поселение Русский колодец. Ничего особенного там нет, иногда попадаются метровые ящеры, но они людей не трогают, сами нас боятся. Это первая точка, которую мы должны тщательно обыскать. Дальше еще через девять-десять километров, уже возле самого города, недалеко от бывшей птицефабрики или в ней самой живут уродские птицы-свистуны. Они падальщики... э-э-э... – Николай защелкал пальцами, словно раздражаясь на себя за отступление от четкого ритма доклада... – Задержать эта канитель может надолго, особенно одиночку. Так что очень рассчитываю тут гада и схватить. На случай, вдруг он проскочит дальше, почти сразу после свистунов, в районе Нового кладбища, идет аномальная зона, блуждающий туман. Мы его называли Туманом Даров. Этот туман просто жуткая вещь, он требует дань – человеческую жизнь. Всегда в отряде погибает один человек – ни больше ни меньше. Поэтому мы, когда ходили в экспедиции, брали с собой двух рабов, чтобы наверняка пройти без потерь туда и обратно. Рекомендую сделать это и сейчас.

– Откуда ж он взялся такой? Знаешь? – спросил царь Роман.

– Никто не знает, – Николай пожал плечами. – Радиационный фон там высокий, но опять же не смертельный, биологических и химических атак в этом районе во время Великого Коллапса не наблюдалось.

– А дальше? – спросил Артур, которому очень хотелось прервать докладчика и рассказать всем о гениально-простом плане, который сразу же укажет в какую сторону побежал бывший друг, но не было уверенности, как отреагирует на подобную вольность отец.

– А дальше... – Николай вымученно улыбнулся, – никто, по крайней мере, со стороны Мариупольского шоссе, никогда не заходил. Мы ведь проводили свои вылазки севернее, в районе аэродрома. Но добраться дальше у преступника шансов никаких.

* * *

Когда закончилось заседание, и члены Совета покинули зал, Артур попросил отца задержаться и рассказал о своей догадке. Антон, кажется, первый раз за все утро, посмотрел на отпрыска с одобрением:

– Что ж, отправляйся в дом предателя и подготовь все как следует!

Царь, усмехаясь, смотрел в спину уходящего сына.

«Все-таки варит голова у парня, значит еще не все потеряно... Конечно, пьянки и шлюхи – это досадно, но не смертельно. Перебесится, остепенится!»

Расправив плечи, Антон направился к выходу и в дверях наткнулся на свою невестку.

– Аня? – он с изумлением посмотрел на рыжеволосую девушку, стриженную под ежик. – Анна, дочь Ирины, что ты сделала со своими волосами?

– Я состригла их, – с вызовом произнесла она, – они мне больше не нужны. Я хочу тоже пойти в карательную экспедицию...

– Что? – Антон недоуменно покачал головой, пристально глядя на девушку. – Ты что такое несешь? Какая экспедиция! Иди домой!

– Я могу пригодиться, я очень хорошо стреляю, – с жаром заговорила Аня. – Вы ведь это знаете. К тому же я видящая...

– С каких это пор ты стала видящей? – Антон начинал выходить из себя.

– С тех самых, как родила мертвого ребенка, – Аня прикусила губу. – Я вижу следы людей и животных и направления, в которых они проходили даже несколько часов назад... как и некоторые другие наши девушки.

– Иди домой! – зло шикнул царь, больно ткнув невестку пальцем в плечо. – Ты мне еще за свою стрижку ответишь!

Аня учащенно задыхалась, кулаки ее то сжимались, то разжимались, она потупилась, а потом, резко вскинув голову, вызывающе посмотрела в глаза царю:

– Ну, зачем я вам? Ребенка родить не могу. Муж мой шляется где попало. Еще два-три выкидыша, и вы меня с ним разведете. Вам ведь наследники нужны. А кому я тогда вообще?...

– Не беси меня, – проговорил Антон, но уже без былой ярости.

Он вдруг подумал: а ведь действительно, какой от нее толк? Неплодовитая, быть жрицей в Храме Славы не хочет, домохозяйка тоже весьма посредственная. Да, скоро сыну придется подобрать новую жену. А так, конечно, если она не врет и у нее на самом деле проявился дар, невестку можно будет определить в следачки, в охотницы. Хотя какая-то польза для Общины...

Аня потупилась, всхлипнула, глаза наполнились слезами:

– Пожалуйста, отпустите меня, я все равно уйду... через Дамбу Теней, и тогда никто меня не сможет остановить. Пожалуйста, отпустите... пожалуйста... пожалуйста... прошу вас... пожалуйста...

Еще немного – и она разрыдалась бы. Антон ненавидел женские слезы. Он начинал чувствовать себя беспомощным. Лучше быть голым, безоружным, окруженным многочисленными врагами. С врагами разговор короткий... Но не бить же невестку по лицу...

– Хватит! – рыкнул царь. – Развела тут нюни! Ты гражданка или рабыня?! Беги в Арсенал, получай автомат, четыре рожка и химзу, надеюсь, там найдется противогаз нужного размера, и пуль на вышку к Главным воротам! Посмотрим, как ты стреляешь...

Лицо девушки мгновенно просветлело:

– Спасибо...

– Бегом, я сказал!

* * *

Около Главных ворот Лакедемона, обращенных на восток и впускающих в поселение утреннее солнце, виднелась небольшая группа свободных граждан. Светлана, по прозвищу Лики, жена царя Антона, стояла напротив сына, облаченного в серо-коричневый камуфляж, с автоматом, висющим на плече, с тесаком на бедре и вещмешком за спиной. Ее выцветшие глаза смотрели куда-то вдаль сквозь Артура.

– Со щитом или на щите! – прозвучала ритуальная фраза.

– Я приду со щитом, – Артур поправил противогаз и направился к трем воинам и двум рабам, сгруппировавшимся перед закрытыми створками Главных ворот.

– Отряд! – прокричал наследник. – Разделяйся! Бегом на вышки, марш!

В несколько прыжков воины оказались на сторожевых площадках, что охраняли Главные ворота.

Тем временем, повинувшись словам Артура, провожающие отошли, освободив дорогу, а два привратника открыли тяжелую створку. Когда все было готово, наследник выстрелил в воздух. Несколько минут ничего не происходило, но вскоре послышался лай, который приближался.

– Приготовится, но стрелять по моей команде! – выкрикнул Артур.

Наконец все увидели, как по дороге стремительными прыжками неся большой серый пес. Вот он свернул, и Артур ничуть не сомневался, что собака идет в точности по следу хозяина; вот добежал до лестницы на седьмую вышку, покрутился и припустил к полуоткрытым воротам. Выскочив за укрепления, Серый на секунду замедлился и побежал вдоль частокола, озираясь и приносясь. Шесть или семь пар человеческих глаз вели зверя, выплевывая его мушками автоматов, но тот ничего не замечал. Напротив седьмой вышки пес остановился, словно выбирая направление, а потом бросился к кустарнику, который начинал расти

в нескольких сотнях метрах от частокола и темной полосой уходил к Мариупольскому шоссе, куда – сейчас это стало ясно абсолютно всем – чуть ранее направился преступник.

– Огонь! – голос Артура звенел от радости, что план блестяще осуществился.

Раздался залп, который должен был изрешетить собаку, однако зверь, как будто предвидел действия людей. Повинуясь чутью, он мощно бросил тело вбок, перекатился через голову и упал, подергивая ногами, создавая у стрелков иллюзию, что тяжело ранен. Но как только с вышек раздалась довольные крики, пес вскочил на ноги и молниеносно скрылся среди переплетения веток.

Злоба клокотала в душе наследника, но, разумеется, дисциплина обязывала не подавать вида, хотя больше всего ему хотелось сейчас обматерить вся и всех. Он чувствовал себя опозоренным в глазах многочисленных свидетелей – и кем опозоренным? Гнусной тварью, которую давно надо было пристрелить, которая была такой же подлой, как и бывший друг! Артур внимательно всматривался в лица, ловя малейшую тень насмешки, но все присутствующие были серьезны, и он немного успокоился.

– У тебя еще будет случай с ним сквитаться, сын, – сказал царь Антон, не уточняя, кто подразумевается: пес или его хозяин. – По крайней мере, теперь есть уверенность, что никаких сюрпризов не будет, и вы идете по верному следу.

– Отряд, стройсь! – скомандовал Артур, вновь входя в роль командира.

Пять человек встали в походный порядок: в первой шеренге стояли Николай с Семеном, во второй находились рабы, замыкающим оказался Григорий, который был на голову выше остальных в отряде. Он достал из футляра красный дозиметр и проговорил:

– Контрольный замер: тридцать семь микрорентген.

Царь Роман находился чуть в отдалении от основной массы провожающих и, поглаживая бородку, еле заметно хмурился: второй раз за сегодняшний день его макали лицом в дерьмо. Первый – на заседании, когда оказалось, что некоторые сведения настолько секретны, что о них ничего не знают не только члены Совета, но даже один из правителей Лакедемона. И вот снова – окунитесь в помой, собрат по оружию. Вы думали, что у нас не осталось ни одного счетчика Гейгера, радиометра или любого другого подобного аппарата? Ан нет, пожалуйста, вот вам дозиметр на солнечных батареях, да еще и с пьезо-элементом, на тот случай, если ночью показания снимать нужно. Более того, как выяснилось, таких счетчиков на складе было целых два.

«Ладно. Мы еще посмотрим, кто кого, – думал Роман, – на всех найдется управа: и на начальника Арсенала и на тебя, мой дорогой соправитель, тоже хомут примерю».

– Доблесть и сила! – выкрикнул царь Антон, находившийся по левую руку от жены.

– Во имя победы! – ответили четыре карателя.

– Во имя победы! – проорали провожающие.

– Подождите!.. – сквозь людей пробилась девушка в камуфляже. – Стойте!..

Большой вещмешок на ней смотрелся совершенно нелепо. Она, тяжело дыша, подбежала к карателям и встала в строй рядом с Семеном.

– Аня? – подошел Артур. – Ты что здесь делаешь? Попрощаться надумала?

– Я с вами. Мне твой отец разрешил, – буркнула она. – У меня дар видения открылся...

– Ты чё, мать, какой дар? – Артур положил ладонь на плечо жены.

Но она рывком сбросила руку мужа и, зло сверкнув глазами, прошипела:

– Мерзавец! Ненавижу тебя!

– Мля... – выдохнул наследник, – что ж мне сегодня везет так с проявлением любви родственников...

– Командуй, давай! – Аня отвернулась от Артура и теперь созерцала спину одного из рабов.

– Смотри, – хмыкнул Артур, – отстанешь, ждать тебя никто не будет. Отряд, бегом марш!

* * *

Светлана с минуту глядела на быстро удаляющихся карателей, но лицо ее не выражало никаких эмоций. Потом она пересеклась взглядами с мужем. Глаза его будто говорили: «Ты молодец, моя жена, молодец, так и надо провожать детей. Волчицы не плачут...»

– Мне нужно идти в Храм Славы, прочитать молитву о победе, – сказала Верховная жрица и, развернувшись, пошла прочь от ворот.

Антон, сощурившись, смотрел ей вслед: «Вот такую можно любить. Она заслужила эту честь. Хотя зверь изуродовал ее тело, но она прекрасна, моя волчица... Ведь более отважной женщины нет во всем Лакедемоне. Никогда мне не забыть тот злосчастный день!»

* * *

В тот далекий день была собрана воистину кровавая жатва. Из десяти гвардейцев-телохранителей в живых осталось двое; более сорока человеческих и двадцать три звериных трупа было обнаружено потом в Ивановке; лишь нескольким лютоволкам удалось избежать гибели, уйти в степи. Людей, оставшихся в живых, переселили в Александрово-Марков – впрочем, и это селение теперь заброшено. Вокруг Ломакина срочно стали строить частокол, подобный Лакедемонскому, остальные деревни были окружены заграждениями из колючей проволоки. А Светлана получила почетное прозвище Лики, что и означало «волчица».

С тех пор отношение Антона к жене поменялось. Она превратилась из просто жены, матери ребенка, хозяйки дома в нечто большее, в священное, в продолжение его самого, а значит, окружающие должны были обращаться с ней, как и сам царь: трепетно и уважительно. К тому же он вдруг преисполнился иррациональной уверенностью, что пока эта женщина будет Верховной жрицей, пока она будет хранить традиции, ничего плохого с его детищем, его Лакедемоном – не случится.

Сама Светлана к своему особому статусу относилась с суровым равнодушием. Тогда, десять лет назад, бой с лютоволком полностью опустошил ее. В припадке безудержного гнева она вспыхнула на краткий миг ослепительно яростным светом, обожгла Зверя, уничтожила монстра лютым бешенством, но вслед за этим, в мгновение ока погасла сама, как гаснут утром звезды. В ее сердце будто не осталось ничего живого: только пепел и прах.

Сначала, бывало, она тихо плакала ночами по чудесным временам до Великого Коллапса. Вспоминала, как в первые годы существования Лакедемона с тщеславием и гордостью взирала на других, ведь она была женой царя; как ревновала мужа; как всеми правдами и неправдами добивалась должности Верховной жрицы; как без ума любила сына. Но тот потусторонне-зловещий миг, который заставил обычную женщину превратиться в неистового берсерка, наполнил ее неимоверной силой, позволив пробить клинком толстую шкуру лютоволка (которую с трудом пробивали и пули), этот миг доглотил все прошлые страсти. Прежние устремления и мечты оказались ничтожной пылью, и отныне ее не интересовали интриги храмовых жриц, верность или неверность мужа, наряды девушек, приобретение красивых вещей, последние слухи... Теперь ей хотелось одного: чтобы ее больше никто не трогал, и потому Верховная жрица закуталась в ледяную недоступность, которая внушала страх окружающим. Она, как положено, совершала ритуалы, голосовала на Совете, говорила какие нужно слова, но ей не было до всего этого никакого дела. Единственное, чем она до сих пор дорожила, – ее статус, но не из гордыни, а лишь потому, что он давал ей возможность отстраниться от всех остальных.

И вот, шагая по пыльным улочкам Лакедемона к Храму Славы, Светлана еле заметно кивала приветствующим ее людям. Она спешила, чтобы как можно быстрее скрыться в личной келье, пристроенной к храму специально для Верховной жрицы, ибо ощущала непривычное

беспокойство. Известие, что отряд, возглавляемый Артуром, отправился не просто на окраины Таганрога, а в сам город, стало ветром, который раздул пепел ее души, и, оказалось, что под толстым слоем потухших страстей все еще исходят жаром угли. Она пыталась залить их ледяной водой равнодушия, но ничего не получалось. И потому, подходя к храму, Светлана не ответила на приветственные выкрики юношей и девушек, занимающихся на поле стадиона, а проскользнула к себе, заперлась и села на пол, застланный шкурой того самого лютоволка, собственноручно убитого ею много лет назад.

Отдышавшись, Верховная жрица почувствовала себя лучше, но спустя минуту воспоминания, будто река прорвавшая дамбу, затопили ее с головой. Она поднялась, подошла к грубовато сколоченному столу, сняла с шеи цепочку с маленьким ключиком, открыла замок шкапулки, перебрала содержимое и достала листок, сложенный вчетверо.

Сколько раз она хотела сжечь этот обрывок прошлого, оставшийся из жизни, похожей на ускользающий сон, да почему-то все не доходили руки... Что-то мешало оборвать последнюю ниточку, призрачную связь с тем временем, когда она не была еще волчицей, женщиной Антона.

Светлана подошла к окошку, сощурившись посмотрела в небо, попытавшись вспомнить лицо молодого человека, о котором ничего не знала более двадцати лет. И эту бумагу она нашла в кармане его рубашки, которую набросила на голое тело в то утро, когда они виделись последний раз.

Что с ним случилось? Остался ли он жив? И если жив, то где сейчас? Ведь в день, когда мир рушился, он, наверное, ушел в Таганрог, к матери...

...А как он за ней ухаживал! Как бесконечно долго добивался! Ревновал, злился, но не отступал, и когда она, польщенная вниманием парня, все же крутила романы с другими, он продолжал приносить подарки. Цветы, конфеты, недорогие, но изящные украшения, билеты в кино, на концерты. Потом помощь при поступлении в институт. И стихи, стихи... Светлана неожиданно для себя самой улыбнулась, развернув листок. Вверху было написано: «Сонет». А дальше на пожелтевшей бумаге шли поблекшие строчки:

Любовь всех дев и проституток,
Все царства мира и небес,
Все, что имеет в жизни вес,
Все, до последних моих суток,
Что мне отмерил Бог-отец;
Стихи мои и сотни шуток,
Весь разум мой и весь рассудок,
Всю мою кровь и, наконец,
Бессмертный дух готов отдать,
Лишь бы сбылась моя мечта:
Твои колени целовать,
А также руки и уста...
Ну, что еще мог написать
Маратель белого листа?

Да, в конце концов, он добился своего, и Светлана, сдавшись, милостиво позволила ему целовать колени, руки, губы... Он был безумно счастлив, заглядывал ей в глаза, снова и снова повторял самые нежные слова, и она сама зажигалась от его чувства, строила вместе с ним планы на будущее, замки на песке... Но, конечно, такая любовь – бестолково-романтичная, без опоры в суровой реальности, могла существовать лишь в дни безопасности, в дни мира, когда люди тратили время на всякую чепуху...

В который раз она спросила себя: «При чем тут любовь всех проституток? Разве они умеют любить?», но узнать, что значили эти слова не представилось случая, ведь он так и не успел подарить любимой этот сонет...

Тот, далекий, называл ее Лисёнком из-за золотисто-рыжего цвета роскошных волос, которые он гладил так трепетно... Это сейчас пряди потускнели от плохого мыла, стали жесткими, почти как собачья шерсть. А некогда гладкую кожу груди теперь уродует безобразный рубец, который оставила лапа лютоволка.

Эта мысль заставила Верховную жрицу очнуться от воспоминаний. Негодуя на себя за слабость, она смяла листок и швырнула в шкатулку. Жив ли он?! Глупости, конечно, мертв! Да и какая разница! Желания, воспоминания, чувства приносят боль, которая ужаснее когтей лютоволка. Последние десять лет ей было так комфортно в своем самоотстранении и незримом одиночестве. А тут – вылезла откуда ни возьмись печаль, выдавливая слезу. Но волчицы не плачут!

Светлана с силой захлопнула крышку. Никто не сможет раздуть пламя из гаснущих углей. И чудовищный шрам, изуродовавший шею, рассекший надвое левую грудь, никогда не исчезнет. Но она – Верховная жрица, не нуждается ни в чьей жалости и недоступна ни для кого. А чтобы остаться недоступной впредь, надо прежде всего выполнять свои обязанности.

Встав на колени, Светлана мысленно сосредоточилась, молясь о том, чтобы отряд, возглавляемый ее сыном, настиг и покарал презренного отступника.

Глава 6

Жаль, что читать между строк догадаешься лишь в эпилоге

Олег передвигался быстрым шагом. Возможно, оперативная группа уже покинула пределы Лакедемона. И теперь преследователи совершают марш-бросок. Тем не менее юноша все же рассчитывал успеть пройти Мариупольское шоссе раньше, чем его настигнут каратели. Главное – достичь Таганрога, который, если верить рассказам стариков, гораздо больше Лакедемона. А раз так – значит, там должно быть множество домов, улочек, площадей. Есть где спрятаться.

Нести одновременно ребенка и автомат было крайне неудобно, но перекинуть люльку за спину Олег не решался: ему казалось, что, находясь ближе к сердцу, девочка будет защищена лучше. Пожелтевшее солнце, теперь уже не такое красное и огромное, как на рассвете, слепило глаза. Говорят, болезни случаются не только от радиации, степных поветрий и укусов рептилий и насекомых, но также и от лучей дневного светила. Впрочем, сейчас это было неважно, поскольку от болезней умирают не сразу, а вот любое промедление могло закончиться мгновенной смертью.

Олег продолжал шагать по разбитой дороге, не забывая поглядывать по сторонам и вверх. Ведь мутировавшее зверье представляло не меньшую опасность, нежели каратели. Конечно, считалось, что на территории Миусского полуострова, по крайней мере в западной его части, подконтрольной Лакедемону, крупные хищники не обитали, и нападений на людей не отмечалось, тем не менее в этом мире всегда что-то происходит впервые. К тому же и птеродактилей никто не отменял. А эти крылатые бестии были непредсказуемы и могли захотеть полакомиться путником-одиночкой.

Деревьев вдоль дороги росло не так много, что очень нравилось Олегу. Ни одна зубастая мразь, будь то животное или человек, к нему незамеченным не подберется. Малышка спала в люльке, которую он поддерживал левой рукой, чтобы она не раскачивалась на ходу.

Солнце поднялось еще выше и теперь стояло почти в зените, сильно припекая. Прошло, наверное, уже часа три, как юноша шел по пустынной дороге, когда по правой стороне впереди показалась вереница домов. Беглец замедлил шаг. От кого-то из стариков Олег слышал, что поселения вдоль шоссе давно уже необитаемы, и, в общем-то, опасаться нечего, однако он снял автомат с предохранителя.

От этого места, и вправду безлюдного, веяло жутью. Первый же дом, стоящий на пустыре, был совершенно разрушен, как-будто под него заложили мину. Груда балок и кое-где остатки кирпичной кладки – вот все, что осталось. К нему вела глубокая, по колено, колея, заросшая молодыми деревьями. Довольно высокий кустарник пробился сквозь развалины, но даже зелень листьев была тут почему-то тусклой, словно с выцветшей фотографии. Наверное, через несколько лет уже не останется никаких признаков того, что когда-то здесь жили люди.

Юноша торопился покинуть страшноватую деревню; настороженный взгляд его цеплял детали, спина вспотела, а руки напряглись, держа оружие.

Следующие строения почти целые, казались обитаемыми, но вблизи стало видно, что не только сохранившиеся заборы, но двери, окна, стены непроходимо заросли диким виноградом, чьи побеги сплелись в прочную сеть. К тому же зияющие прорезами крыши обнажали сгнившие в труху балки.

Еще один дом был сожжен целиком, дотла. В правом дальнем углу куча закопченных кирпичей указывала на место, где, по всей видимости, была печь. Олегу стало не по себе, когда он увидел дерево, скрученное пламенем в почерневшую спираль. Попадались и другие пепе-

лица, поросшие травой, среди которой торчали железные, и потому уцелевшие, спинки кроватей.

Создавалось впечатление, что на участках домов-призраков образовались некие гравитационные ямы: непонятно почему стены, пристройки, деревья падали, клонились, валились именно внутрь дворов. Несколько сильно накренившихся сараев еще пытались сохранить равновесие, но было видно, что вскоре и они полягут, притянутые той же непонятной силой.

Чуть ниже в ложбине находился большой скотный двор, но, разумеется, скотины в нем не содержалось.

В некоторых дворах виднелись могилы, чьи кресты смотрели прямо в окна.

«Неужели не могли донести до кладбища? Что за радость, когда прямо у крыльца лежат чьи-то кости...» – подумалось юноше.

От этого стало совсем жутко, и он зашагал быстрее, как вдруг услышал шорох. Олег, вскинув автомат, оглянулся, но никого не увидел. Он перестал дышать, в горле пересохло. Может, показалось? Беглец прислушался, потом опустил автомат и снова прислушался. Ничего. Тишина. Мертвая. Гробовая. Могильная.

С облегчением выдохнув, юноша пошел дальше. И вдруг – снова шорох. Сердце екнуло, будто провалилось куда-то в глухую бездну. Олега бросило в холодный пот, руки пробрала мелкая дрожь, он вскинул автомат. И опять – шорох. Прямо за спиной. Натренированное тело мгновенно развернулось, легкие с хрипом выплюнули горячий воздух. Ничего. Олег сделал глубокий вдох, чтобы немного успокоиться, но продолжал зорко всматриваться в траву, да, там определенно кто-то прятался. Юноша перестал поддерживать люльку, взялся второй рукой за цевье, прицелился...

«Ну же, давай, покажись!»

Трава закачалась, и в ней юрко промелькнуло что-то длинное, серо-зеленое. Олег улыбнулся, опустил автомат и, прикрыв веки, вытер ладонью мокрое лицо. Идиот! Это же просто большие ящерицы. Теперь напряжение сменилось слабостью. Очень захотелось присесть, облокотиться на стену какого-нибудь дома и подремать полчасика, да, только полчасика – не больше. Но опыт говорил, что расстояние между ним и карательным отрядом неуклонно сокращается, а значит нужно идти вперед. Только вперед. Не останавливаясь.

Теперь он шагал, не обращая внимания на шелест травы. Это шоссе действительно было безлюдно, и кроме изувеченных временем домов здесь ничего нет. Поэтому он не стал волноваться, когда шуршание послышалось рядом.

«Совсем ящерицы страх потеряли», – подумал Олег и повернул голову в сторону наглой рептилии. Но это была не ящерица.

Он увидел оскалившуюся гнилозубую рожу, перекошенную яростью. А в следующее мгновение с огромным разделочным ножом на него кинулся амбал в лохмотьях, измазанных в грязи. Постоянные тренировки на реакцию не подвели: ловко увернувшись, Олег умудрился-таки вмазать прикладом автомата по гнусной харе. Верзила, взревев, покатился по асфальту. Откуда-то из-за дома, с толстой палкой в руках, выскочил другой бандит, ростом чуть ниже первого, но такой же грязный и взлохмаченный. Олег не успевал, поддерживая одной рукой люльку, вскинуть автомат, но зато ударил берцем точно в коленную чашечку дикаря. Тот взвыл, выронив палку, и повалился на асфальт, недалеко от собрата. Теперь юноша мог спокойно прицелиться в голову скулящему дылде.

– Только попробуй, ублюдок! – услышал он полный ненависти голос.

Примерно метрах в двадцати на дороге стояло существо с натянутым луком, одетое хоть и в поношенную, но относительно чистую одежду. Лицо у этого человека было грубым, скуластым, неопрятная замасленная копна волос нависала над светло-серыми глазами. Олег окинул взглядом мешковатые штаны, вылинявшую майку с нарисованной усатой зверюгой, из-

под которой чуть выпирали два бугорка, и догадался, что перед ним стоит женщина. Юноша быстро оценив ситуацию, перенаправил автомат.

– А ты уверена, что попадешь в меня? – спросил он ледяным тоном. – Я-то точно снесу тебе башку.

– Попаду! – прошипела дикарка. – А если не я, так другие попадут! Бросай свою стрелялку, ты попался, господин хренов.

Юноша быстро огляделся и насчитал не менее восьми стрелков с луками, которые внимательно наблюдали за каждым его движением из окон, с крыш, из-за кустов. С пеленок Олегу внушали, что даже на явно смертельную опасность следует взирать без тени страха, и сейчас это помогло не удариться в панику. Да, его малышка могла погибнуть вместе с ним, но если бросить оружие и сдаться, они умрут еще быстрее, в чем можно не сомневаться. Так что оставалось только драться... или вести переговоры... заморочить противника чем-то неожиданным...

– Я не господин, я беглый крестьянин.

Женщина засмеялась. Хрипло, надрывно, отвратительно.

– Думаешь, я идиотка и поверю? Скажи еще, что ты раб! У тебя на рукаве нашивка, которую носят мрази из Лакедемона. И одет в военное, совсем не как крестьяне. Бросай стрелялку.

– Если хочешь поубивать настоящих господ, подожди немного, скоро целый отряд будет проходить здесь, они ищут меня... – юноша говорил спокойно, ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Не морочь мне голову, – атаманша сдула грязную прядь, упавшую на лицо; руки ее дрогнули, видимо, она устала держать лук натянутым. – Бросай стрелялку и становись на колени, лакедемонский пес!

– Я скорее умру, чем сделаю так, как говоришь ты, – в голосе Олега появились трагические нотки, глаза невольно прищурились. – Я рисковал жизнью, чтобы сбежать. Мне пришлось зарезать воина, забрать его одежду и оружие, потому что он, пьяный, изнасиловал и убил мою жену. И у меня на руках моя маленькая дочь. Можешь подойти и взглянуть. Она мутант.

Атаманша обвела глазами свое воинство и, видимо, решив, что ежели чего, за нее успеют отомстить, ослабила тетиву лука. Подойдя к Олегу, она протянула руку, пытаясь заглянуть в люльку. От давно немытого тела шла такая вонь, что юноше пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не поморщиться, но все же он отступил на шаг.

– Не бойся, я ничего не сделаю твоему, – сказала атаманша. – Дай посмотреть.

Она оттянула край брезента и увидев личико малышки улыбнулась, но сразу же нахмурилась, а потом ее грязный палец оттянул веко девочки, которая никак на это не отреагировала.

– Осторожней! – воскликнул Олег, которому и в голову не приходило так бесцеремонно обращаться с малышкой.

– Какой идиот ее напоил сонным отваром? Ты? Не лучший способ заставить ребенка замолчать, когда он кричит от голода. И еще треплешь, это твоя дочь? Ты хоть понимаешь, что новорожденные должны есть, а не только спать? Или ты ждешь ее смерти? – глаза атаманши с подозрением уставились на беглеца.

– Я старался накормить ее коровьим молоком, но она не стала его пить, не знаю почему... – Олег был по-настоящему испуган ее словами.

– Конечно! Ей нужно материнское! Уж я-то знаю. У меня тоже были дети, они умерли от голода, а моего отца зарезали во время проклятых обрядов три года назад. Я не видела, кто это сделал, но если бы узнала, я вырвала бы этому ублюдку глаза.

Затылок Олега мгновенно заледенел, засосало под ложечкой, но лицо оставалось невозмутимым.

– На твоём месте я поступил бы точно так же, – ответил он непослушными, будто заиндевелыми на морозе губами. – Теперь ты можешь отомстить. Скоро здесь будут воины, человека века четыре. Если думаешь, что у тебя хватит сил, напади на них.

– Это мое дело. А вот куда ты теперь собрался? – спросила она, все еще недоверчиво глядя на юношу, чья история была слишком невероятной, чтобы делать однозначные выводы.

– В Таганрог, – он закинул автомат за спину.

– Таганрог – мертвый город, – женщина сверкнула глазами, но уже не так зло, как в начале разговора. – И там радиация, если знаешь, что это такое.

– Мне больше некуда спрятаться. И ты же сама сказала, что ребенку нужно материнское молоко. Может быть, там кто-то живет. Дай мне пройти, я могу заплатить, – Олег снял с пояса пистолет и протянул. – Он получше, чем ваши стрелы.

Атаманша махнула рукой, и ее люди опустили луки.

– Как пользоваться этим? – женщина разглядывала пистолет, лежащий на ладони Олега. Юноша привычным движением дослал патрон в патронник и передал пистолет атаманше.

– Просто нажимаешь на...

Олег хотел сказать: «на спусковой крючок», но в последний момент подумал, что бросаться терминами не стоит, дабы снова не вызвать подозрений. Крестьяне ведь не знакомы с воинским искусством.

– Прицелься, вот сюда нажмешь, и эта штука будет стрелять. В нем восемь патронов.

Женщина кивнула, засунула пистолет за пояс брюк, и в ее лице явственно обозначилась решимость.

– Мне нужно идти, – сказал юноша, – если все же захотите сделать засаду, не забудьте заранее распределить цели, чтобы в первые секунды убить как можно больше, иначе будет очень трудно одолеть их.

– Не забывай менять пеленки, папаша, если не хочешь, чтоб ребенок сопре в такую жару. И не думай, что я поверила в твои рассказы, но ради девочки надеюсь, что вам повезет, – атаманша неопределенно кивнула и отвернулась.

Больше разговаривать не имело смысла, и Олег быстрым шагом двинулся прочь. Сколько он потерял времени? Наверное, минут двадцать. Жалко, конечно, лишился «Макара». Скорее всего, его и так бы пропустили, но что сделано, то сделано. Хоть бы эти беглые не трусили и попытались задержать погоню. Конечно, против карателей у необученных рабов мало шансов. Их перебьют, как мишени в тире.

Олег остановился. Вдруг ему подумалось, что если бы он возглавил засаду, то, кто знает, может, удалось бы полностью уничтожить группу преследования, а значит, у него появилось бы дополнительное время, может, даже два-три дня... А еще у юноши заскребло на душе. Получалось как-то нехорошо: рабы будут принимать бой, а воин убегает, как последний трус, как заяц от лютovolка. Но ведь атаманша даже не сделала попытки предложить ему остаться... да и захотела бы она слушать незнакомца и подчиняться его указаниям? Скорее всего, нет. Но самой главной причиной, которая заставляла ускорять шаг, был тот факт, что среди них не было женщин с грудными детьми, и значит, раздобыть материнского молока было невозможно.

Олег возблагодарил всех богов, что помогли ему выбраться из заброшенной деревни, но тревога возрастала. Пускай даже дикари задержат оперативную группу еще ненадолго, все равно, это очень, очень мало! Наверное, теперь он должен был передвигаться в таком же ритме, как и каратели: пять минут бегом – пять быстрым шагом. Пять бегом – пять быстрым шагом...

Глава 7

Много ли силы в словах, если их не подкрепишь делами?

Группа преследования, выдвинувшись из Лакедемона, в скором времени оказалась на Мариупольском шоссе. Как и думал Олег, каратели передвигались, чередуя бег с быстрым шагом. Семен специально был поставлен в конец колонны, чтобы подгонять рабов, если те, не привыкшие к подобным нагрузкам, будут замедлять группу.

Ане, за два года позабывшей, что такое полноценная тренировка на выносливость, приходилось трудно. Она пыхла, покрасневшись, обливаясь потом и тяжело дыша, но не отставала. Казалось, что один только взгляд, брошенный на ненавистного мужа, придавал ей дополнительные силы.

Тяжелее всех было Артуру. Вчерашняя пьянка и бешеная утренняя беготня давали себя знать. Его мучили одышка и жажда. Он то и дело тянулся к фляге и, спустя полчаса, осушил ее до дна.

Рабы, одетые в холщовую одежду беглицкого производства, без оружия и бронеков, но с тяжелыми вещмешками, не доставляли почти никаких хлопот замыкающему колонну, несмотря на то, что никогда в своей жизни они не совершали марш-бросков. Только однажды Семен прикрикнул на споткнувшегося о выбоину недотепу. Видимо, обещание свободы (в случае успешного возвращения в Лакедемон) окрыляло глупцов, которые не подозревали о своей настоящей участи.

И все-таки, опытные воины Григорий и Николай постоянно отрывались от группы на десять-пятнадцать метров, после чего вынуждены были притормаживать, дожидаясь остальных.

Спустя два часа каратели приблизились к заброшенному поселку, который на карте был обозначен как «Русский колодец». Наследник дал знак остановиться. Согнувшись и опершись руками о колени, Артур, задыхаясь, бормотал:

– Ну... мля... знать бы... да ведь он, ещё... ой, мля-а-а... он нарочно, сука!..

Аня, хоть и сама тяжело дышала, с нескрываемым злорадством поглядывала на мужа.

– Гриша, сделай замер фона, – Николай отдал распоряжение, чтобы хоть как-то оправдать заминку, а затем обратился к наследнику:

– Артур, нам нельзя останавливаться.

– Отстанешь – ждать тебя никто не будет, – съехидничала Аня.

Номинальный командир отряда выпрямился, посмотрел мутным взглядом на Николая, потом на жену и, не говоря ни слова, кивнул.

– Семьдесят два микро рентгена, – доложил Григорий, пряча дозиметр.

Николай снял шлем, протер рукой мокрую лысину:

– Десять лет назад такой фон стоял в Лакедемоне, так что все нормально. Двигаемся дальше.

– Стойте, – лицо Ани стало вдруг серьезным, даже испуганным, она подняла руку с растопыренными пальцами. – Там впереди... впереди... кто-то есть...

– Кто там может быть? Ящерицы? – Артур уже слегка оклемался, к нему вернулась всегдашняя самоуверенность.

– Там люди, – убежденно сказала ему жена. – Я вижу.

– А, я ж и забыл, ты у нас стала всевидящей, – лицо наследника искривила насмешка.

– Где они, справа в домах или слева? – Николай не разделял скепсиса командира, в конце концов, он здесь для того и находится, чтобы сопляк-наследник не наделал глупостей.

– Не знаю, – Аня поморщилась, будто ее ужалило насекомое. – Там... наверное... с обеих сторон.

– Предатель тоже там?

– Нет, – девушка коснулась висков кончиками пальцев.

– Сколько их?

Аня охнула, руки ее бессильно повисли плетями.

– Не знаю, – с трудом вымолвила она. – Больше четырех, это точно. И Олег здесь был, но теперь его нет, он ушел дальше...

– Ясно, – Николай хотел было отдать распоряжение, но потом вспомнил, что командует здесь, по крайней мере, формально, наследник, и, глядя ему в глаза с подкупающей преданностью, прошептал:

– Артур, думаю, что впереди нас может ждать засада. Предлагаю отправить Семена задами домов, так он сможет зайти в тыл противнику. А сами пойдем по дороге.

– Я хочу пойти с Семеном, – заявила Аня, услышав эту инструкцию; она уже оправилась от внезапно посетившего ее видения, и в глазах снова горела злость.

Николай промолчал. Он выжидающе смотрел на командира. Артур, поджав губы, сощурился, глядя вдаль, туда, где необъятное синее небо уходило за дымчатый горизонт.

– Сеня, – приказал он, выдержав подобающую паузу, – ты пойдешь там. Если что, применяй оружие по своему усмотрению, мы двинемся по дороге. Возьми с собой... Григория.

Аня обиженно насупилась. Два воина свернули в улочку, заросшую травой.

– Ну, – Николай, надел шлем и, сняв с предохранителя автомат, мотнул головой рабам, – вы первые.

Рабы, очевидно догадываясь, что их собираются использовать в качестве живого щита, нехотя подчинились и поплелись вперед. За ними медленно, с оружием наготове, пошли Николай с Артуром. Девушку поставили замыкающей.

Наследник забыл о жажде, которая непрестанно мучила с самого начала марш-броска. Лоб покрылся холодной испариной, но вытереть пот не было времени. Теперь ему казалось, что их отряд слишком мал для возложенной отцом задачи, и он злобно проклинал бывшего друга, по милости которого все они сейчас подвергались неведомой, но смертельной опасности. В каждом зияющем непроглядной чернотой окне, в каждом проеме, за каждым кустом мерещились зловещие тени, иногда больше схожие даже не с людьми, а с лютovolками. И, если бы не присутствие рядом свидетелей – жены и старейшины, Артур, пожалуй, не выдержал бы и с криком бросился наутек. Но позор бесчестия в глазах отца был намного страшнее смерти. А потому он продолжал упорно шагать на полусогнутых ногах.

Вдруг, метрах в двадцати от них, в ближайшем доме послышалась возня и приглушенный вскрик. Тут же с противоположной стороны дороги, из кустов высунулся небритый оборванец, который натянул лук, прицеливаясь, но ничего не успел сделать, поскольку получил пулю в лицо: Николай славился отменной реакцией.

Застонав и конвульсивно вскинув руки, на асфальт рухнул один из рабов, сопровождающих отряд, а над головой Артура просвистела стрела. Наследник сделал несколько выстрелов в ту сторону, однако криков, говорящих, что он в кого-то попал, слышно не было. Внезапно из чердачного окна сарая выпал одетый в невообразимые лохмотья мужчина с перерезанным горлом, вслед за ним на улицу выскочил Семен с окровавленным клинком.

Аня, почувствовав, будто что-то кольнуло ее в затылок, и оглянувшись, увидела на крыше двух лучников, которых не целясь срезала очередь.

Еще четыре оборванца (один держал длинный разделочный нож, остальные – дубины) с отчаянными воплями выскочили из-за угла. Но их бег оборвали кусочки свинца, выпущенные из «калашей» старейшины и наследника. Второй раб, скорчившись, повалился на землю. Послышался пистолетный выстрел, за ним второй, а потом и третий. Аня заметила человека,

палящего из «Макарова». Бросив на землю автомат, который сковывал движения, она зигзагами рванулась к неприятелю. В это же время стрела чиркнула по бронежилету Николая. Старейшина развернулся, вскинув «калаш», но стрелять не было нужды, поскольку Семен уже насадил дикаря на клинок своего тесака. Артур пытался прицелиться в последнего видимого врага, но не рискнул, чтобы не попасть в свою жену, бегущую прямо на стрелка. Человек в линялой майке, видимо, совсем не умел стрелять, поскольку из четырех выстрелов, ни один даже не зацепил Аню, которая в прыжке сшибла своего противника, дважды ударив того по голове. Бой был закончен. Длился он не более минуты.

Николай кинулся к Ане и просипел со злостью:

– Дура! Почему оружие бросила? Умереть захотела?!

– Зато я живьем его взяла, надо же узнать, кто они такие, – девушка вся светилась от успеха.

– А почему очередью стреляла? Все одиночными, а ты очередями? Инструкции не знаешь? Патронов много?

Лицо Ани искривила гримаса недовольствия.

– Подумаешь, инструкция... их двое было, – буркнула она, встала с поверженного пленника и побрела к автомату, который валялся посередине дороги.

– Итак, у них одиннадцать убитых. У нас: один раб убит, другой ранен, кажется, тяжело, – подвел итоги короткого боя Григорий, причем лицо его не выражало никаких эмоций.

Действительно, раб, поскуливая, лежал на боку, со стрелой, торчавшей из живота.

– Это было что-то! – Артур с блеском в глазах возбужденно махал руками. – Классная заварушка! Охренеть просто!

Николай тем временем обыскал единственного оставшегося в живых нападавшего и вдруг с удивлением обнаружил, что это женщина.

– Стоять на коленях! – старейшина вертел в руках пистолет Макарова. – Это личное оружие Якова Кувагии, откуда он у тебя?

– Тебе не все равно? – ответила пленница.

– Ты получила его от парня с младенцем?

Ответа не последовало.

– Нет, а круто мы этих засранцев положили! Как свиней в загоне! – Артур подошел к пленнице. – Николай, дай я это отродье сам допрошу.

Старейшина неодобрительно зыркнул на командира, помедлил с секунду, а затем отодвинулся в сторону.

– Ты кто, не пойму? – спросил наследник женщину, наклонившись к ней. – Мальчик или девочка?

– А ты?

Такой ответ совершенно не понравился Артуру. Он ударил оборванку стволом автомата, на ее щеке появилась кровь.

– Думаю, что все-таки девочка, – решил наследник. – А еще мне кажется, что ты главная среди этой позорной босоты. Потому что только у тебя был пистолет, у остальных дубье и дерьмовые луки. Ведь я угадал? Ты рулила этим быдлом?

– А ты? – снова ответила вопросом на вопрос атаманша.

Наследник замахнулся, но потом передумал бить и продолжил болтать:

– Нет, это просто охренеть! Я-то всегда думал, что если девка верховодит отморозками, то это обязательно должна быть амазонка, ну, как мы в интернате мифы учили. Ну, такая, чувственная вся, вот с такими сиськами! – Артур показал руками предпочитаемый размер грудей. – И запах от нее должен быть похотливо-звериный, чтоб желание аж торчком стояло. А от тебя ж фонит круче, чем от всего тухлого дерьма Азовского моря. Если над нами сейчас птеродактиль пролетит, он же от такой вонищи моментально лапы склеит!

Наследник изобразил ладонями крылышки, а потом сложил их вместе.

– И волосы должны быть у нее обязательно рыжие, а глаза зеленые, – не унимался Артур. – И чтоб баба дьявольски красивая и дьявольски беспощадная была. И с мужиками такое вытворяла! – наследник сжал кулак и потряс им. – Чтобы львица, бесстрашная и дерзкая! А имя у амазонки должно быть такое... ну... Юлия, например... или Людмила... или Анна на худой конец!

Артур указал на жену. Она отвернулась, проворчав в адрес мужа что-то, безусловно, оскорбительное. Наследник не обратил на это внимания, так был поглощен рассматриванием рисунка зверя и надписи на майке атаманши, а потом спросил, прищурившись:

– Так тебя зовут *Рита*?

– Это пума, – дикарка, криво усмехнувшись, откинула с глаз прядь слипшихся волос. – А ты – придурок.

Артур не знал что такое или кто такая «пума», но значение слова «придурок» ему было однозначно известно, поэтому атаманша получила новый удар стволом автомата по лицу. И на второй ее щеке выступила кровь.

– Я тебе, убоище лесное, сейчас башку отстрелю! – наследник нацелил «калаш» в лоб дикарке. – Ты вообще, сука бешеная, шаришь, с кем разговариваешь?

Женщина посмотрела на парня отстраненно. Ненависти она больше не ощущала. Осталась только пустота. Дети ее умерли от недоедания, муж и отец погибли. Соратники только что пали в бою... Все до единого... Терять было нечего, кроме собственной жизни, разумеется. Но в этот миг ей вдруг показалось, что свою жизнь она потеряла давным-давно, быть может, когда не посчастливилось сгореть в огненном аду последней войны, или когда они с отцом оставили в умирающем городе больную мать, или, вероятно, даже еще раньше, когда она решила сделать карьеру в модельном бизнесе, когда ходила по подиуму и тупо улыбалась глазевшим на нее толсторожим хрякам, их брезгливым любовницам и ряженым недомужчинам, таким же придуркам, как и этот сопляк, тычущий сейчас в лицо стрелялкой. Хотя нет, жизнь она все же обрела, но только, когда самовольно покинула Малую Федоровку и сколотила свою команду из беглых рабов. Из тридцати восьми лет существования на земле жила она всего лишь последние четыре месяца. Голодная, в грязи, в холоде и изнуряющей жаре, в болезнях и опасностях, но зато на свободе. Наверное, это было самое счастливое время. Подлинная жизнь. Но теперь она закончилась. И не осталось ничего. НИЧЕГО. Дикарка достаточно хорошо знала нравы своих бывших хозяев, чтобы понимать это совершенно отчетливо.

– Стреляй, придурок, – женщина улыбнулась.

Николай спешно отвел ствол автомата от головы атаманши.

– Артур, – произнес он. – Не забывай, что впереди ждет Туман Даров, а у нас с подарками проблемы.

Наследник посмотрел на смертельно раненного раба.

– А что с ним делать? – спросил командир отряда.

Николай взглянул на Семена, потом на его меч и еле заметно кивнул. Мгновение спустя, душа бедного раба уже пересекала Дамбу Теней.

– Ну что, Рита, – разочарованно вздохнул Артур. – Жаль, что нельзя тебя убить сейчас. Отправишься с нами, но только посмей отстать, получишь по пуле в каждую коленку и будешь долго, мучительно умирать...

* * *

Олег, пробежав очередные семьсот-восемьсот метров, перешел на быстрый шаг. Нельзя было сказать, что он сильно устал – дыхание, хоть и учащенное, оставалось равномерным, не сбитым. Однако пот застилал глаза, и солнце, перевалившее зенит, жарило немилосердно.

Юноша пожалел, что не взял с собой ничего покрыть голову. Кроме того существовали еще проблемы: люлька очень сильно натерла кожу на шее и хотелось пить, но беглец, не желая останавливаться, упорно продвигался вперед, решив, что дойдет до города, а уж там ополовинит бурдюк. И потом, ему казалось нечестным утолить жажду, в то время как его малышка была голодна. Олег крепко надеялся, что обитающие в Таганроге выродки должны найти, чем покормить ребенка. О том, что их могут принять враждебно, или убить его и малышку, или что он просто-напросто никого в городе не найдет, юноша предпочитал не думать.

Хотя густые чащи сменялись степными проплешинами, пустыми как безоблачное небо, дорогу трудно было назвать разнообразной, и она убаюкивала. Ветерок полностью стих, а окружающий мир погрузился в гнетущее безмолвие, и только учащенное дыхание беглеца нарушало застоявшуюся тишину. Опасностей вроде бы не наблюдалось, лишь однажды на юге появился черный как смоль птеродактиль. Но до идущего человека крылатой бестии, очевидно, не было никакого дела. Летающий ящер, покружив немного, скрылся за горизонтом.

Юноша снова перешел на бег и вскоре заметил вдали слева от дороги большой короб синего цвета.

«Странные дома до коллапса строили», – подумалось Олегу. Вскоре беглец увидел, что за синим коробом стоят другие здания. Большинство из них походило на нормальные человеческие хаты, хотя и несуразно большие, но некоторые имели совершенно необычные формы, по крайней мере, ничего подобного в Лакедемоне не встречалось. Например, имелась совершенно круглая, чем-то схожая с бочкой конструкция, накрытая конической крышей. Она была в несколько раз выше любого из домов Лакедемона, что поразило юношу, и он даже замедлил бег. Рядом с этим сооружением росли деревья причудливого вида, закручивающиеся в замысловатые петли, раздваивающиеся, расстраивающиеся, вновь соединяющиеся в одно целое. Но тратить время даже на разглядывание таких необычайных диковинок было нельзя, и он вновь ускорил шаг.

Неожиданно сбоку донесся негромкий свист. Источником звука были, по всей видимости, белые птицы, чем-то отдаленно напоминающие неуклюжих куриц, но только гораздо большего размера. Человеку они доставали до пояса. Пернатых мутантов было около десятка. Они, хлопая крыльями, переваливались навстречу путнику, и вытянув шеи, открывали слегка загнутые клювы, но вместо кудахтанья из их глоток вырывался противный свистящий звук. Олегу вдруг стало трудно дышать. Он попытался вскинуть автомат, но руки отяжелели, перед глазами все поплыло. Юноша покачнулся и неуклюже осел на землю. Голова, будто заполненная расплавленным свинцом, стала крениться куда-то вниз и набок.

Вдруг все резко оборвалось. Олег почувствовал, как кто-то горячим языком облизывает ему лицо и руки, а потом услышал громкий лай. Вокруг, то припадая на передних лапах к земле, то высоко подпрыгивая, носился Серый.

Юноша оглянулся. Он сидел на краю дороги, а рядом лежал автомат. Слава всем богам, малышка в брезентовой люльке не пострадала, но встревоженному отцу показалось, что она стала еще бледнее. Теперь, когда морок отступил, Олег обнаружил, что на поле полно чьих-то останков, расклеванных до костей. Проведя пальцами по саднящему горлу, он нащупал кровоточащую ссадину, оставленную, по всей видимости, кривым клювом одной из пернатых чародеек, которую так вовремя спугнул прибежавший пес.

«Вот же твари, – подумал Олег, обнимая лохматую голову друга. – Если б не Серый, лежал бы я тут, птичек проклятых собой кормил... а, может, пострелять вас в ответ?»

Но тут юноша сообразил, что уже долгое время (сколько именно – неизвестно), пока он как дурак сидел на дороге, преследователи неуклонно приближались. И сейчас они находятся, вероятно, всего в паре километров, а, быть может, и ближе. Олег вскочил на ноги и посмотрел назад. Ему показалось, что вдали, сквозь марево маячат человеческие фигурки, так что сводить счеты с курицами и выдавать врагам свое местонахождение было, по меньшей мере, глупо.

Но, может быть, впервые за все длинное, чреватое опасными неожиданностями утро, он почувствовал непоколебимую уверенность: все задуманное получится, вдвоем с Серым можно будет преодолеть любое испытание!

* * *

Если бы Олег только мог представить, благодаря кому отряд не настиг его в те полчаса, когда он сидел как вкопанный, он не жалел бы о потерянном «Макарове»!

Дикарка, упорно именуемая Артуром «Ритой», не желала передвигаться бегом в колонне, вернее, она вообще не желала передвигать ноги. Григорий и Семен подгоняли ее, постоянно отвешивая тычки ей в спину, но толку это давало немного. Несколько раз каратели останавливались и лупили непокорную рабыню, хотя старались умерять силу ударов и зуботычин, так как не хотели прибить упертую сучку до смерти. Может быть, поэтому, получая очередную пощечину, скалясь окровавленными зубами, атаманша только смеялась в лицо избивавшим ее мужчинам. Наконец, Николай осознал, что метод кнута на эту рабскую дрянь не имеет абсолютно никакого воздействия, и решил использовать метод пряника. Заглянув в глаза женщине, он почти слезно пообещал, что как только отряд достигнет пределов Таганрога, ее тут же отпустят на свободу. Атаманша затихла, будто обдумывая заманчивое предложение, а затем, истерично расхохотавшись, харкнула кровью в лицо старейшине. После этой выходки у нее оказался сломан нос. В конце концов, Семену пришлось отдать свой вещмешок и оружие товарищам, и взвалить на плечо упрямую дикарку. Женщина не сопротивлялась, лишь издавала жуткие булькающие и клокочущие звуки.

– Как бы Ритка не окоцурилась раньше времени, – заметил на ходу Артур.

Но разговор на эту тему никто не поддержал.

Из-за живого груза на плечах Семена темп передвижения карателей замедлился почти до скорости размеренной ходьбы. Так преследователи прошли несколько километров.

Николай, понимая, что они начинают безнадежно отставать от беглеца, велел отряду остановиться. Семен свалил дикарку на дорогу, как куль с песком, и Николай вновь пообещал ей свободу.

– Ты меня все равно обманешь, урод, – прогнусавила атаманша. – Но я побегу, как ты желаешь, если ты прямо сейчас исполнишь одну мою маленькую прихоть.

– Какую? – Николай напрягся, чувствуя подвох.

– Ты сейчас при всех назовешь себя лысым мудаком и лакедемонским засранцем, – дикарка вытерла грязной шершавой ладонью кровь, сочащуюся из изуродованного носа, – и я побегу, а когда мы окажемся там, где вам нужно, можешь прострелить мне оба колена.

Кулаки старейшины непроизвольно сжались, а лицо побелело. Прикрыв веки, он сделал глубокий вдох.

– Ты чё, чума? – Артур опешил от такого наглого предложения. – Я тебе сейчас ствол в задницу засуну и весь магазин разряжу. Я тебя сейчас...

Но Николай вскинул руку с растопыренными пальцами, заставив этим жестом наследника замолчать.

– Даешь слово? – глаза мужчины буквально насквозь прожигали атаманшу.

– Даю, – ответила она, сплюнув кровью.

– Я, Николай, сын Алексея, старейшина Совета, – бывалый поисковик произносил слова отчетливо и громко, он умел подавить эмоции, личные обиды и амбиции во имя достижения цели, – являюсь лысым мудаком и лакедемонским засранцем.

Дикарка попыталась засмеяться, но закашлялась.

Артур отвернулся, чтобы товарищи, а особенно Николай, не увидели его лицо, расплывшееся в непроизвольной улыбке.

– Да, значит, я все-таки не зря прожила свою жизнь, коль услышала такое признание от самого старейшины, – хрипло прогнусавила атаманша. – Ради таких слов стоит увидеть Таганрог и умереть.

* * *

Место было необычным: за серым забором виднелось здание, очень похожее на Храм Славы Лакедемона. Но оно имело только один купол, и не синего, а золотого цвета. Из купола торчал накренившийся вбок крест с двумя поперечинами.

«Что это? Храм выроdkов? Может, я уже пришел?» – с надеждой подумал Олег.

Но Серый, который сперва неуклонно держался впереди, вдруг замедлился и плелся теперь за спиной, постоянно взлаивая, как бы пытаясь остановить человека, а потом и вовсе сел посреди дороги, и, как ни подзывал его хозяин, отказывался сделать хоть шаг вперед. Было ясно, что пес не хочет идти дальше, но не было понятно почему. Возможно, собака чувствовала повышенную радиацию мертвого города?

Олег задыхаясь, сбился с ритма, который умудрялся держать с самого утра. Почему-то именно сейчас он потерял уверенность и запаниковал. Мысли вдруг перешли с чисто практических вопросов на странные, абсолютно не свойственные ему, абстрактные рассуждения.

«...каждый, кто плывет по Реке Жизни, неминуемо пересекает Дамбу Теней, чтобы его память растворилась навсегда в Море Погибели...»

Беглецу чудилось, что не он мчится во всю прыть по Мариупольскому шоссе, а темные воды судьбы несут его к пределу, за которым полное отсутствие чего-либо, так что нет никакого смысла бежать. Скорое наказание виделось неотвратимым, как сама смерть. Настоящий неподдельный страх перед безжалостным роком опутал душу. Все теперь казалось напрасным. Никогда ему не достичь проклятого города.

Тело дрожало, легкие требовали все больше и больше воздуха, и Олег остановился. Наверное, стоит смириться, встретить чертовых карателей прямо здесь, на этой дороге... устроить засаду, погибнуть в бою, как и полагается воину...

Что-то зашевелилось у него на груди, и юноша вспомнил о малышке, о своей девочке. Зачем он тогда вообще покидал Лакедемон? Проще было удушить ее во время построения. В чем вина ее? В кошачьих зрачках? Тут Олег подумал, ведь он так и не видел, что же представляют из себя эти самые кошачьи зрачки, из-за которых им предстоит умереть. Но теперь уж какая разница?

Откуда-то вдруг возник странный запах: приторный, противный, вызывающий беспокойство. Только что было так жарко, что капли пота высыхали на коже, не успевая скатиться, а теперь ощущалась непонятная прохладная сырость. Внутри Олега что-то оборвалось, по спине побежали мурашки, будто мороз рисовал разводы на спине, как на стекле. Юноша посмотрел на храм и почувствовал, как волосы становятся дыбом. Вокруг здания кружило расплывчатое марево. Беглец отступил на два шага, развернулся в сторону города. Он мог поклясться, что еще минуту назад дорога была свободна, а воздух – чист. Но теперь вызывающий озноб туман надвигался, медленно завиваясь в причудливые полосы. Олег решил бежать обратно, развернулся... и увидел такой же струящийся матово-пепельный морок: он был окружен вихрящейся мглой. И она дышала холодом, выбрасывала стылые щупальца, смыкалась зловещей пеленой вокруг юноши с ребенком. Выхода не было. Отступать – некуда.

Сглотнув сухой ком, сняв автомат с предохранителя, вжав приклад в плечо, Олег двинулся навстречу дымящейся Неизвестности.

С автоматом наизготовку Олег сделал несколько шагов... Туман клубился, обволакивая липкой омерзительной пеленой. Ноги, ватные и непослушные, погрузились в струящиеся волны. В груди ломило, дышать стало трудно, юноша хватал ртом переливающуюся дымку,

но никак не мог набрать достаточно воздуха, точно тот превратился в вязкую, дурно пахнущую жидкость, которую жуткими усилиями приходилось заливать в легкие, а потом судорожно выталкивать наружу. Олег напрягал глаза, но, дальше чем на метр, ничего разглядеть не удавалось. Тишина таила непонятную угрозу, и вслушиваться в это мертвое безмолвие было больно. Временами звук собственного прерывистого дыхания гулким эхом накатывался на беглеца со всех сторон. Олег продолжал идти, с предельной осторожностью нащупывая мысками ботинок невидимую землю, медленно погружаясь все глубже и глубже в матово-слепящее Ничто.

Вдруг справа от себя, краешком глаза он заметил промелькнувшую тень, тут же легкий ветерок коснулся его щеки... еще один проблеск, но теперь слева, проявился, и, в мгновение ока растворившись в белесой мгле. Олег направил ствол в туманную пустоту. Теперь морок проявлял себя: отовсюду доносилось приглушенное шарканье; тени, мимолетные и расплывчатые, появлялись на краткий миг и так же неожиданно быстро исчезали. Боец пытался взять их на мушку, но не успевал прицеливаться. Внезапно он услышал шепот, вливающийся тяжелой студенистой жижей в ушные раковины, шепот, продавливающий слова с леденящим хрустом, заполняющий бесформенной слизистой массой черепную коробку:

– Отдай... отдай...

Олег вертелся на месте, тыча стволом автомата в беспорядочно мечущиеся тени, и никак не мог определить источник звука.

– Отдай... отдай... – скоблили коготки изнутри головы, – отдай...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.